

Уникум

Автор:

Наталия Шитова

Уникум

Наталия Шитова

Экстрасенса-телекинетика Родиона Березина называют «русским Копперфильдом». Он молод и знаменит, но предпочитает жить уединённо, славится несносным характером и хранит свою страшную тайну, знает которую только брат Родиона – Егор. Пережитое в детстве потрясение вызвало к жизни чудесный дар и одновременно наградило проклятьем. Способности и успех Родиона многим не дают покоя, и на него начинается настоящая охота...

Наталия Шитова

Уникум

Глава 1

– Эй, босс, приехали!

Родион лениво повернул голову и со вздохом открыл глаза:

– Что?

– Приехали, говорю, – повторил Егор и повернул ключ. И так почти неслышный в салоне двигатель замолк.

Родион взглянул налево, на гранитный парапет, потом направо, на подъезд, рядом с которым они остановились.

Невысокий старый дом, втиснутый в ровную череду аналогичных строений неопределенных цветов и разной степени ветхости. Смотреть было особо не на что. Родион повел плечами и устало прикрыл глаза. Егору даже показалось, что брат вот-вот скомандует ехать прочь. Но через полминуты Родион встрепенулся, сел прямо, повернул к себе зеркало заднего вида и взглянул на свое отражение, критически сжав губы:

– Как я тебе, а, Егорка?

– Отпад, – усмехнулся Егор. – Вылитый Киану Ривз.

– А если серьезно?

– А если серьезно, то в гроб краше кладут... – вздохнул Егор. – Заморенный какой-то ты сегодня, Родька.

Родион промолчал. Казалось, он был полностью поглощен созерцанием собственного носа и страдальчески сжатых губ.

– Никак не пойму, зачем мы здесь, – произнес Егор.

Родион даже ухом не повел.

– Сколько раз Кошарский тебя приглашал? – уточнил Егор, не надеясь на ответ. Ответа и не последовало. – Ну да не важно, сколько... Но твои отказы стали доброй традицией, а нарушать традицию не в твоих правилах...

– Это верно. Традиция – дело святое... – промямлил Родион.

– Тогда не ходи туда, – твердо сказал Егор. – Ни к чему нам это.

– Не понял, ты что, мне запрещаешь? – процедил Родион, продолжая изучать себя в зеркале.

– Запретишь тебе, как же... – выдохнул Егор с досадой. – Только если уж тебе приспичило непременно с ними повидаться, сегодня точно не самый лучший момент.

Родион недовольно передернулся:

– Не нуди, Егорка. Вечно ты лезешь, куда не просят. Замолкни... – он тяжело вздохнул и шлепнул себя по коленям. – Ну, ладно. Раз уж приехали, надо идти. Не волнуйся, я не задержусь. Вряд ли разговор будет долгим.

– А мне казалось, что за три года у них накопилось много тем для бесед с тобой.

– Меня совсем не интересуют ни их темы, ни они сами, – отрезал Родион и вздохнул. Несколько секунд он нервно покусывал губы, а потом уверенно добавил: – Мне им сказать нечего.

– Зачем мы тогда приехали? – растерялся Егор.

Родион еле заметно поежился:

– Видишь ли... Они поразительно назойливы. За два последних месяца они меня просто достали. И это начинает досаждать. Пусть встреча кое-что для меня прояснит.

Худшие подозрения Егора оправдались полностью. Родион собирался изменить собственным принципам и пообщаться с теми, кто таял на него из подворотен. Ничем хорошим такие эксперименты прежде заканчивались. Но сообщать брату о своих опасениях было бесполезно. Когда Родион в таком состоянии, ему слова поперек не скажи, себе дорожке встанет. Егор нажил по этой части богатый личный опыт.

Родион решительно открыл дверь, коротко распорядился:

– Подожди меня здесь. Я быстро, – и выбрался из машины.

Егор сразу же последовал за ним.

– А ты куда? – удивился Родион.

– Я с тобой.

– Зачем это?

– Для порядка. Тебе не стоит идти одному.

– Никто меня не съест! – нахмурился Родион.

Но Егор решительно возразил:

– Я знаю, что они настроены к тебе враждебно, и для меня этого достаточно.

Угрюмо поморщившись, Родион буркнул:

– Нет уж, позволь-ка мне разобраться с ними самому!

– Не позволю. Первый личный контакт – это всегда опасно. Особенно для тебя.

Родион вздохнул, и как показалось Егору, с облегчением. Поджав губы, он печально улыбнулся:

– А мне так хотелось хоть раз обойтись без тебя!

– Еще чего! – фыркнул Егор. – Плавали, знаем... Во-первых, охранять тебя – моя обязанность, ты платишь мне за это. Во-вторых, я в любом случае ни за что не отпущу тебя одного в это осиное гнездо.

– Да ладно, – покачал головой Родион. – Какое там еще гнездо? Наверняка, среди тех, кого Гильдия подмяла под себя, есть по-настоящему сильные ребята... Но здесь-то обитают только их министры-администраторы. Это ведь всего-навсего штаб-квартира их верхушки... А ведь ты знаешь, Егорка, что за сливочки обычно плавают на самом верху?!

– Ой, досмеешься, – процедил Егор.

Родион изучил добротную чеканную вывеску у подъезда, и губы его скривились:

– "Совет Гильдии экстрасенсов, целителей и белых магов"... Я бы, пожалуй, прибавил кое-что: тоски зеленой и голубой мути...

– Очень живописно. Но надеюсь, ты не станешь давать им этот совет? – подозрительно уточнил Егор, убирая ключи в карман куртки.

– Какой совет?

– Дополнить вывеску.

– Кто знает? Если меня заведут, я за себя не ручаюсь... – снова забурчал Родион.

Егор растерялся. Конечно, те, с кем брату предстоял разговор – люди известные, вроде бы приличные и как будто бы культурные... С кулаками на Родиона они, скорее всего, не полезут.

Но за самим драгоценным боссом глаз да глаз нужен. Бог знает, что за вожжа ему сегодня под хвост попала. Разозлившись, импульсивный Родион разит наотмашь. Того и гляди дров наломает.

А Гильдия далеко не святое семейство. Их месть могла быть совсем не шуточной. Егор знал лично несколько человек, кого Совет Гильдии сломал и почти силой завлек под свою крышу. И крыша эта была незыблема.

– Мне надоело все время тебя одергивать, Родька! – с досадой сказал Егор. – Если ты собрался лезть на рожон, лучше поехали отсюда восвояси!

– Я приехал на разведку, – серьезно ответил Родион. – И чем бы ни закончился сегодняшний разговор, я их не боюсь. Ты идешь со мной?!

– Да, иду, если ты не собираешься одуматься...

– Не собираюсь! – злобно подтвердил Родион.

– Ну, Бог с тобой...

– А вот это вряд ли, – горько усмехнулся брат. – Идем, болтун несчастный.

Егор не считал себя болтуном, но признавал за братом право делать такие замечания. Сам Родион редко грешил излишним красноречием и предпочитал, чтобы его понимали с полуслова.

– Идем, так уж и быть, – Егор решительно обошел машину и ступил на тротуар.

– Очки надень! – с досадой буркнул Родион.

Неизвестно, был ли в этом смысл, но близнецы делали все, чтобы их сходство не сразу бросалось в глаза. На Родионе поверх дорогого шикарного костюма было надето не менее дорогое и шикарное пальто, доходящее почти до пят, а Егор терпеть не мог одежду, полы которой шлепали бы его по коленям. Короткая замшевая куртка и узкие джинсы – это было как раз то, что надо. Родион несколько лет не стриг волосы, открытый высокий лоб и обрамляющие его длинные пряди зрительно делали лицо Родиона более узким и худым, чем оно было на самом деле. Стриженный затылок Егора и длинная кучерявая челка, создавали впечатление совсем противоположное тому демоническому имиджу, который старательно поддерживал Родион.

Конечно, стоило приглядеться к этой паре повнимательнее, и несостоятельность камуфляжа становилась очевидной. Но все же Егор послушно вынул из кармана и надел зеркальные солнцезащитные очки.

– Я готов, босс.

– Тогда вперед, Страж! – нервно усмехнулся Родион и открыл тяжелую дверь.

Они вошли в огромный полутемный холл с высоченным потолком. Из холла на второй этаж вела старая мраморная лестница с продавленными и стертыми за сотню лет ступенями. Прохладно и пусто.

– мрачновато тут, – заметил Егор. – А самое главное, где охрана? Почему к такому важному обществу такой свободный доступ? Я-то считал, что тут

сплошной строй стоит... Неужели жаждущие и страждущие не горят желанием лицезреть известных всей стране чародеев?

– Когда ты заткнешься? – раздраженно буркнул Родион, и Егор покорно закрыл рот.

Охрана, однако, присутствовала, хотя и не в том количестве, которое казалось бы подходящим для заведения.

Из конторки вахтера выскочил высокий плечистый детина. Человеку с такой мощной статью место было по всем параметрам никак не в Гильдии чародеев, а по меньшей мере на чемпионате бодибилдеров.

– Приемные часы давно кончились! – строго и немного угрожающе заявил он. – Учреждение закрыто! Попрошу вас выйти!

– Мой визит согласован, – спокойно сказал Родион. – Меня ждут.

Вахтер подошел поближе и уставился на пришедших. Черты его лица в темноте различались плохо. Но Егор заметил, как густые брови охранника сошлись на переносице, выражая напряженную работу мысли. Мысль вахтера трудилась секунд десять-пятнадцать, и была она, судя по всему, выдрессирована неплохо.

– Господин Березин? – наконец уточнил детина вежливо, но холодно.

– Попробуйте поверить мне на слово, – пожал плечами Родион. – Я не ношу с собой паспорт.

– А зря, – злорадно усмехнулся вахтер. – Не все знают в лицо столь важную персону.

Родион переступил с ноги на ногу и наклонил голову, разглядывая блестящие носы своих ботинок. Тревожный симптом. Он означал, что Родион задумался о том, стоит ли наглый вахтер его гнева. А страж порядка продолжал, как ни в чем не бывало:

– Вы уж простите, не признал я вас. Не серчайте... Как видите, здесь темно, электричество экономим. Дороговато, знаете ли, встречать каждого потоками света.

Егор больше не сомневался: сейчас что-то будет. Вахтер сам не подозревал, что взял совершенно неверный тон. Конечно, он всего лишь позволил себе некоторый сарказм в голосе, но он не знал, с кем имеет дело. С Родионом нельзя было так обращаться.

– Темно, говоришь? – еле слышно процедил Родион и поднял голову. – Что ж, уважаемый, свет – не проблема...

Егор заметил едва уловимое движение плеч Родиона, и сразу в холле всем множеством лампочек-миньонов вспыхнула низко висящая люстра с подвесками из фальшивого хрусталя.

Вахтер машинально втянул голову в плечи и оглянулся на электрощиток.

– Ох... – у него вырвалось какое-то неразборчивое ругательство, когда он обнаружил, что поворотные выключатели на щитке по-прежнему пребывают в положении "выкл." – Вот фигня! Этого не может быть!

– Вы полагаете? – сухо уточнил Родион. – Своим глазам следует доверять, сударь. Они обманут вас в последнюю очередь.

Холл, украшенный мрамором и позолоченной лепниной, был залит светом всего лишь секунды три. Потом напряжение упало, и некоторое время еще светились раскаленные спирали нескольких лампочек.

Егор успел разглядеть вахтера – хорошо упитанный и прокачанный мускулистый субъект неопределенного возраста, на лице которого застыло неподдельное изумление.

– Ну что же вы? – нетерпеливо сказал Родион, когда снова воцарился полумрак. – Успели меня рассмотреть? Не успели? Тогда не обессудьте, я вам все же не электросеть.

– Вас ждут, господин Березин, – пролепетал вахтер, слегка отступив. – В зале совещаний на втором этаже. Дверь прямо напротив лестницы, в конце коридора.

Родион сделал легкий жест брату:

– Идем, Егорка...

Они подошли к самой лестнице, когда вахтер, наконец, очнулся.

– Прошу прощения! – его голос вдруг обрел недавнюю суровую твердость.

Родион остановился и резко развернулся.

– Этот молодой человек должен остаться внизу! – пояснил вахтер, мотнув головой в сторону Егора.

– Не понял, – спокойно обронил Родион. – В честь чего это?

– Всего лишь распоряжение моего начальства, – вежливо сказал детина. – В этих стенах вы в полной безопасности, господин Березин. Мы за это отвечаем. Пусть ваш парень останется здесь.

Родион дернул рукой, и Егор, шагнув к нему, поспешно накрыл ладонью сжавшийся кулак брата. Родион мягко высвободил руку и осведомился невинным тоном:

– А чего опасается уважаемая Гильдия и ее высокочтимый Совет? У моего телохранителя нет с собой никакого оружия, и он не кусается.

– Дело не в оружии. Вас ждут на конфиденциальную беседу. В этом доме не звучит ни слова для посторонних ушей! – строго ответил вахтер.

Похоже было, что изумление детины уже прошло совершенно и сменилось служебным рвением. Подозрительно быстро он оправился... Хотя, конечно, он был вахтером не в бане, а в Гильдии чародеев, и даже слово "конфиденциальную" произнес бегло и без ошибок.

Родион опустил голову, закусил губы и молчал.

– Давай уйдем, – тихо сказал Егор ему в спину. Убраться от греха подальше казалось ему сейчас самым разумным. – Игра не стоит свеч. Уйдем отсюда...

Но Родион покачал головой.

– Может, мне остаться? – так же тихо предложил Егор.

– Ничего подобного. Не дождутся! – Родион вскинул голову и угрюмо взглянул на вахтера. – Мне наплевать на ваше строгое начальство, оно ваше, не мое. Я сам себе начальник. Если мы пришли вдвоем, то и наверх пройдем вместе!

– Попробуйте! – злобно процедил вахтер, угрожающе шмыгнул носом и подбоченился.

Егор сразу понял: если они просто попытаются пройти наверх, этот детина запросто прибегнет к банальному рукоприкладству. Приказание начальства вахтер собирался исполнить, несмотря на то, что на примитивного служаку он не тянул. Для его скромной должности вышибалы физиономия у него была до неприличия интеллигентная.

– Дорожите своим местом? Разве же я хочу вам неприятностей, друг мой? – ласково произнес Родион.

"Ну все, началось..." – обреченно подумал Егор. Он не раз был свидетелем того, как вспышка гнева брата совершенно непостижимым образом переходит во вспышку света. Но этот фокус уже показан, и теперь трудно было предугадать, во что именно выльются бурные эмоции брата.

– У вас будет очень уважительная причина для того, чтобы покинуть пост... – широко и любезно улыбнулся Родион. Но вдруг лицо его окаменело и голос стал ледяным: – Я вам устрою железное алиби.

Лицо вахтера вдруг стало по-детски беспомощным. На его брюках появилось темное пятно, которое стало стремительно расти, и вот уже из правой штанины на мраморный пол полилась тонкая струйка. Егор сразу почувствовал резкий

запах свежей мочи.

– Ай-ай-ай... – сокрушенно покачал головой Родион. – Какая, право, неприятность.

Детина открыл рот, оскалился, наверное, собрался уже взорваться гневным возмущением, но почему-то передумал и снова закрыл рот.

– А какая удача, что вокруг нет ни одной дамы! – сочувственно добавил Родион. – Наверное, вы выпили сегодня слишком много чайку.

Охранник медленно сжал кулаки.

– Да, кстати... – усмехнулся Родион. – Я надеюсь, друг мой, вы не переели сегодня за обедом?

Вахтер осоловело хлопнул ресницами и вдруг напряженно подобрался и насторожился. Судя по всему, теперь он ждал подвоха от своего кишечника.

– Не бойтесь, если вы прочувствовали свою ошибку, все ограничится малой неприятностью, – ласково сказал Родион, участливо глядя на беднягу.

Вахтер открыл рот и беспомощно вытаращил глаза. Он был ошеломлен и зол, но кажется осознал, с кем связался.

– Бегите уважаемый, меняйте штанишки... – улыбнулся Родион. – Ну а мы тем временем незаметно прошмыгнем наверх, и вы даже знать об этом не будете... Я непременно подскажу вашим начальникам, что за вредность вашей службы вы должны получать бесплатные памперсы.

Вахтер все еще боялся расслабиться. Видимо, он не верил, что господин Березин на этом оставляет его в покое.

– И не забывайте, сударь, народную мудрость: "не влезай – убьет"! – произнес Родион и неторопливо пошел вверх по лестнице. – Пойдем, Егор.

Егор обошел несчастного сконфуженного вахтера и последовал за братом.

– Родька, это что-то новенькое в твоём репертуаре.

– Импровизация чистой воды... – буркнул Родион. На лбу его выступила испарина, и он нервно провел ладонями по бокам, вытирая руки. – По-моему, получилось неплохо, а главное к месту.

– Зачем надо было именно так? Занимаешься всякими глупостями! – возмутился Егор. – Герой нашелся: заставил мужика описаться!

– А тебе никак жаль его? – буркнул Родион и вдруг резко развернулся, сильным толчком припечатал Егора к холодной гладкой стене и зашипел с ненавистью: – Ну, вернись, пожалей!.. Я плачу тебе за то, чтобы ты никому не позволял меня лапать, а не за нравоучения! Что хочу, то и делаю, понял?!

– Понял, – подтвердил Егор.

– Неужели?! А то как-то туго до тебя все доходит, – Родион нехотя отпустил Егора и пошел вперед: – Не забывай о своих элементарных обязанностях. Особенно сейчас. Не хочу, чтобы они сразу стали в курсе всех моих слабостей.

– Будь спокоен, великий кудесник...

– Да уж... – покачал головой Родион. – Лопух ты у меня, Егорушка.

Он остановился на площадке второго этажа, пригладил пятерней растрепавшиеся волосы, вопросительно взглянул Егору в глаза:

– Ну что, отступить от намеченного не будем?

– Как скажешь, босс, – проворчал Егор, глотая обиду. – Ты же без моих нравоучений все решаешь.

Родион нервно покусал губы и проговорил примирительно:

– Ладно, не сердись, я знаю, что я сейчас невыносим. И... дай лапу!

Они поднялись по лестнице и рука об руку вступили в длинный коридор. По одну сторону тянулись окна, выходящие во внутренний дворик-колодец, по другую – несколько узких дверей. А в конце коридора темнела высокая двухстворчатая дверь, из-под которой виднелась полоска мягкого света.

Егор молча шел рядом с братом, держа его руку в своей. Безвольная, теплая и влажная ладонь Родиона постепенно стала прохладной и энергично напряглась.

Егор всей душой желал брату удачи.

Никто на свете, ни крутые специалисты, ни даже сам Родион не знал, что такое происходит с его организмом. Тем более не мог этого знать Егор. Но за много лет он научился безошибочно распознавать состояние брата.

– Ты поспокойнее давай. Я буду начеку, – сказал Егор, когда они подошли к самой двери.

Родион коротко кивнул, отворил дверь и решительно вошел в зал.

Глава 2

Родион сделал пару шагов и остановился, предоставив честному собранию внимательно изучить себя. Пусть посмотрят. Вряд ли кто-то из них впервые его видит, и вряд ли они испытывают удовольствие от встречи, но пусть посмотрят, они этого сами добивались.

С десятков любопытствующих субъектов изучали вошедших настороженно и тщательно. Люди сидели в расположенных полукругом высоких креслах, расставленных вдоль низкого длинного столика, имеющего форму полукольца.

Огромная комната с непомерно высоким потолком, занавешенные темными бархатными гардинами окна, напольные неоновые светильники с яично-желтыми трубчатыми плафонами... Довольно приятный глазу интерьер, очень подходящий к репутации заведения.

Родион не знал точно, кто входит в Совет Гильдии. Перед ним сидели люди разных возрастов: две пожилые женщины, нелепо одетые и причесанные, два относительно молодых парня, несколько мужчин средних лет, почти все при крайне противных на вид бородках, ну в крайнем случае при бакенбардах... Каждый извращался на свой лад, лишь бы дать понять окружающим, что он не от мира сего.

Родион не помнил имен присутствующих. К некоторым из этих имен и фамилий-то прибавлялись не всегда. Но все эти лица были Родиону знакомы.

Некоторых из них он изучал лишь по фотографиям и афишам, а кое к кому на публичные сеансы близнецы хаживали лично, и не раз.

В центральном кресле сидел худощавый дядечка лет пятидесяти с довольно моложавым подвижным лицом и цепким беззастенчивым взглядом. Егор знал его лучше остальных, потому что дядечка этого заслуживал. Это был сам Джан Кошарский, председатель Гильдии.

Лет десять назад это было лицо, сравнимое по популярности разве что с самыми колоритными политиками и всенародно любимыми юмористами. Кошарский был первым и долгое время единственным в городе, кто начал творить чудеса публично.

Он брался лечить несчастных, которые потеряли надежду, и статистика исцелений впечатляла даже закоренелых скептиков. Ничего особенного на его сеансах не происходило. Кошарский предварял свои чудодейственные заклинания долгими, проникновенными и пространными речами о взаимной терпимости и доверии, о непознанной силе духа и о том, что человеческая воля может управлять физическими процессами. Народ валом валил к нему за помощью. Нет слов, выглядел Кошарский просто и естественно, не приплетал к своим речам ни божественных проповедей, ни белой, ни черной магии. Его сеансы оставляли впечатление некой наукообразности и вроде бы никому не приносили вреда.

Но постепенно Джана Кошарского потеснили нежданные и незванные коллеги. На изголодавшиеся по волшебству и чудесам просторы отечества хлынули из дальних и ближних углов полчища тех, кто осознал, что колдовать и выгоднее, и безопаснее, чем, к примеру, торговать... Кто бы мог представить раньше,

сколько их на самом деле, этих бойцов видимых и невидимых фронтов, представителей разномастных сил, провозвестников неведомых знаков грядущего!..

Спрос рождал предложение.

Праздники святого Йоргена стали отмечаться каждый Божий день, где попало и кем попало, причем в союзники себе новоиспеченные знахари кого только ни призывали: от Создателя до того, чье имя к ночи не поминается. Потребителей их услуг подобный разноречивый не смущал. Настрадавшиеся люди посещали и тех, и этих, здраво рассудив, что не так уж важно, чьего имени испугавшись разбегутся застарелые болячки, а за грехи потом можно и свечку поставить на всякий случай...

Дамы и девицы таинственной потусторонней наружности раскидывали карты и крутили магические шары в попытках снять присохшие к потным лысым венцы безбрачия. Усердные ворожеи и впрямь растрачивали свои драгоценные силы и получали за это недурственно. А вот клиенты не пытались подсчитать, что лечение дурно пахнущих гнилых зубов и приобретение новой щетки для обуви обошлись бы им дешевле трудов гадалыщиц, а вот результат-то мог оказаться более эффективным. Но люди не очень-то любят предпринимать усилия и ждать их результата. Они хотят все сразу и с гарантией.

Юнцы с оторопело застывшим взглядом пытались научить окружающих житейским мудростям, тетеньки с пряничными лицами бойко торговали всесильными оберегами, а каждый, кто не стеснялся принародно шептать "крибле-крабле-бумс", мог по сходной цене обезвредить темные силы, обосновавшиеся в ванной комнате, обеспечить рекордный урожай брюквы на следующий год или определить по фотографии новорожденного, от чего суждено умереть его будущей теще...

Словом, беднягу Кошарского с его примитивными методами едва не задавили многогранные таланты его новоиспеченных конкурентов, но он вовремя сделал то, к чему прибегает всякий мудрый человек, потерявший спрос на плоды своего гения, но не желающий кануть в небытие. Кошарский ушел на административную работу, верно рассудив, что это лучше, чем совсем сойти со сцены. Теперь он властвовал уже не над простонародной своей клиентурой, а над себе подобными, контролируя их вслед за официальными органами. Хотя Гильдия имела статус общественного профессионального объединения, она

имела определенный вес в глазах властей и эффективные, не всегда видимые глазу обывателя, рычаги влияния на тех, кто по наивности своей не желал вступить в ее ряды.

Сейчас в зале совета Родион увидел представителей самых разных областей многотрудной чародейско-целительской практики. Вдоволь насмотревшись на обращенные к нему лица, он спокойно и вежливо поздоровался:

– Добрый вечер, дамы и господа!

Кошарский легко подскочил со своего места и с широкой улыбкой двинулся навстречу:

– Добрый вечер, господин Березин! Наконец-то мы можем лицезреть вас в нашем обществе! Не чаяли уже свидеться с вами.

Обойдя ряд кресел, он торопливо подошел к Родиону и протянул ему руку с весьма доброжелательным выражением.

– Прошу прощения, – жестко сказал Родион и убрал обе руки за спину.

Кошарский еще несколько секунд держал руку протянутой, словно все еще ждал ответного жеста от Родиона, потом опустил ее и немного удивленно осведомился:

– А что ж так, господин Березин?

– Еще раз прошу прощения, но я никогда не подаю руки. Никому. Даже близким друзьям, – отрезал Родион. – Возможно, моя привычка кому-то не нравится, но я ни для кого не делаю исключений.

– Вот как... – Кошарский казался несколько озадаченным, но потом снова улыбнулся: – Что ж, присаживайтесь.

Он обернулся к худосочному юнцу, что скромно сидел в крайнем кресле:

– Марьян, будь добр, дружок, поухаживай за нашими гостями.

Парень встал и, подойдя к свободному креслу, стоящему чуть в стороне, толчками провез его по полу и развернул так, что севший в него оказывался лицом к лицу со всеми присутствующими сразу.

– Пожалуйста, – произнес парень тихим вкрадчивым голосом.

Родион поддернул длинное пальто и решительно сел в предложенное кресло.

Егор шагнул вперед и встал за спинкой.

– Марьян, и стул для спутника господина Березина... – сказал Кошарский, но Родион поднял руку:

– Не беспокойтесь, стул не нужен. Мой спутник не сядет.

– Если вы настаиваете, чтобы ваш сопровождающий находился за вашей спиной, он вполне может там и посидеть, – улыбнулся Кошарский.

Тем временем Марьян принес откуда-то из темного угла неплохой удобный стул и поставил его рядом с Егором:

– Прошу вас...

– Спасибо, – ответил за Егора Родион. – Но он не сядет.

Пусть Егорка постоит, так ему же самому будет спокойнее, а то он вечно боится однажды совершить оплошность.

– Вы держите своего телохранителя в ежовых рукавицах, – покачал головой Кошарский, бросив на Егора сочувственный взгляд. – Это не всегда уместно.

– Я уже сказал, что не меняю своих привычек, – отрезал Родион.

Кошарский неожиданно прищурился:

– Вот как? Тогда поясните нам, какой привычке вы остались верны, когда позволили себе поиздеваться над нашим служащим внизу?

Недоумевая, каким образом вахтер уже успел пожаловаться начальству, Родион тем не менее развеселился, вспомнив изумленного до крайности бугая с мокрыми штанами:

– А он уже успел вам наядбедничать? Что ж, признаю, я немного... – Родион пощелкал пальцами и весело закончил. – ...порезвился. Забавно, знаете ли, он до сего момента считал, что зажечь электрическую лампочку, не щелкнув выключателем, невозможно. Я развеял его заблуждение. Всего лишь маленькая шутка, ничего более.

– Господин Березин, вынужден вам заметить от лица моих коллег, что ваша выходка нас всех возмутила! – голос Кошарского стал ледяным. – Вы, молодой человек, позволили себе унижить нашего охранника только за то, что он пытался честно выполнить свои служебные обязанности!

В принципе, Родион был совершенно согласен с Кошарским: парень внизу действительно всего лишь делал то, что ему было велено. Но о поступках своих Родион не жалел даже тогда, когда они не делали ему чести, и уж тем более не выносил чужих упреков.

Родион поерзал в кресле и почувствовал, как сзади пошевелился Егор. Брат ждал самой непредсказуемой реакции. Не стоило заставлять и так издерганного Егора тревожиться, и поэтому Родион сдержал раздражение.

– Имеете ли вы иные темы для обсуждения? – проронил Родион.

Ему удалось держаться на редкость спокойно, только пальцам пришлось дать волю, и они принялись нетерпеливо выстукивать какой-то ритм по кожаным подлокотникам кресла.

– Какая наглость! – фыркнула одна из странных теток, что сидела по левую руку от Кошарского. – Я же говорила вам, Джан Серафимович, что это будет разговор слепого с глухим! Он же ни нас, ни наши слова в грош не ставит!

Родион лениво покосился на тетку, но смотреть на нее дольше пары секунд было бы неслыханным испытанием. Родион прикрыл глаза в ожидании, пока стихнет ропот возмущения.

– Спокойно, друзья, спокойно! – чуть повысил голос Кошарский. – Мы собрались не для того, чтобы переругаться, а для того, чтобы найти общий язык... Ведь как мы, члены Гильдии, так и наш молодой коллега Родион Березин, все мы занимаемся в сущности одним общим делом – помогаем людям. Не так ли, господин Березин?

– Не так, – усмехнулся Родион.

Тишина воцарилась мгновенно.

– Позвольте, разве мы с вами?.. – вкрадчиво начал Кошарский.

Родион открыл глаза, чуть переместился в кресле, принимая удобную позу, и отозвался равнодушным скучающим тоном:

– Вы заблуждаетесь, господин Кошарский. Я не занимаюсь общим делом с вашей Гильдией. Во-первых, я не помогаю людям, а всего-навсего зарабатываю деньги. Во-вторых, уважаемые, все вы занимаетесь этим же, но не желаете это признавать. А следовательно, не может быть между нами ничего общего. В отличие от вас я не пытаюсь прикрыть коммерческий характер своей деятельности рассуждениями о благе человечества.

Все присутствующие сдержанно загудели, но Кошарский поднял руку и голоса снова стихли.

– Вашу откровенность, молодой человек, следует оценить по достоинству! – холодно заговорил Кошарский. – Но не надо смешивать глубинные мотивы, побуждающие каждого из нас к действию, с теми экономическими условиями, в которые мы все поставлены!..

– Ну так и не смешивайте, – снисходительно заметил Родион, совсем развалившись в кресле и вальяжно раскинув руки. Затеиливое словоплетение Кошарского до определенной степени даже забавляло его. – Мне недосуг

копаться в ваших глубинных мотивах. Лично я добываю средства к такой жизни, которая мне приятна, и не более того. И если оказалось, что кратчайший путь к хорошим деньгам для меня лежит через мои фокусы, я не считаю нужным искать что-то еще, коль скоро это получается у меня неплохо и оплачивается прилично.

– Вы правы, ваши "фокусы" впечатляют, – сухо подтвердил Кошарский. – Что же касается остального...

Кошарский выдержал паузу, а Родион лениво рассматривал кончики своих ботинок, в которых отражались яично-желтые светильники.

– Не скрою, молодой человек, – продолжил Кошарский, не дождавшись от Родиона заинтересованного взгляда. – Мы давно решили заняться вами и провели определенную работу для того, чтобы поближе познакомиться с состоянием ваших дел...

Представлял ли Кошарский, насколько смешны были его многозначительные интонации? Или он считал, что сейчас откроет Америку?

– Очень интересно! – сдержанно фыркнул Родион. – Бьюсь об заклад: вы остались в ваших изысканиях с носом. Мои люди неболтливы.

– Вы правы. Очевидно, что вы обильно прикармливаете их, – с некоторым заговорщицким подтекстом подтвердил Кошарский. – Ваш импресарио и ваш бухгалтер тверды, как северные скалы, и даже наши невинные посулы не соблазнили их выдать ваши финансовые секреты. Но материальная сторона вашего бытия, молодой человек...

– Бытие-житие... – немного раздраженно проворчал Родион, настолько тихо, что услышал его, пожалуй, один лишь Егор.

– Что вы сказали? – встрепнулся Кошарский.

– Ничего... – пожал плечами Родион. – Я вас внимательно слушаю, – добавил он, делая ударение на слове "внимательно".

Кошарский был немного сбит с мысли ворчанием Родиона. Щелкнув пальцами, он вернулся к теме:

– Так вот, следствием вашей популярности стал очевидный рост вашего благосостояния. Ваши доходы вполне поддаются приблизительной визуальной оценке...

– Я не знал, что Гильдия стала филиалом налоговой инспекции, – задумчиво перебил Родион.

– Ну, до этого еще не дошло... – усмехнулся Кошарский. – Но кто знает, возможно, все еще впереди.

– В любом случае, я на вашем месте воздержался бы от пересчета денег в чужих карманах... – проговорил Родион с вежливой улыбкой. – Как бы ни возросло мое благосостояние, вы зря разеваете на него рот. Делиться с вами я не намерен ни под видом членских взносов, ни под каким бы то ни было другим.

Кошарский скривился и возмущенно воздел руки к потолку:

– Великолепно!..

– Зачем надо было темнить? – холодно осведомился Родион. Разговор начал ему надоедать. – Почему бы не сказать прямо с порога: "Парень, мы считаем, что ты зажирел, и хотим по-тихому оттяпать от тебя кусочек!". На что я сложил бы вам комбинацию из трех пальцев, повернулся бы и ушел, сэкономив время и нервы.

Кошарский угрюмо молчал, возмущенно качая головой. Сидящий рядом с ним мужчина, в миру гражданин Ханугин, а на публике Магистр академии Паранормальных явлений, наклонился к Кошарскому и принялся что-то нашептывать, бросая на Родиона испепеляющие взгляды.

В ожидании продолжения спектакля Родион молчал. Гильдия не теряла надежды откусить от него немного, иначе после только что услышанного его просто попросили бы покинуть помещение.

Наконец совещание мэтров закончилось. Кошарский повернулся к Родиону, и лицо его стало непроницаемым:

– Вы пытаетесь сделать нам вызов, молодой человек. А стоит ли? А знакомо ли вам, Родион, такое понятие, как корпоративная, профессиональная солидарность? Или, к примеру, такой неременный и необходимый в наших условиях процесс, как раздел сфер влияния?.. Необходимо поддерживать взаимную финансовую безопасность...

– К чему вы клоните? – все еще спокойно уточнил Родион, но кулаки его сжались сами собой.

Егорка, умница этакий, сразу расчихал, к чему идет дело, переступил с ноги на ногу, чуть выдвинувшись из-за кресла. Напоминает о себе, служака, готов бросится на амбразуру... Но пока это было излишне. Родион еще чувствовал себя в состоянии держать эмоции в узде.

Кошарский, кажется, не обращал особого внимания на изменения в настроении своего плохо воспитанного собеседника. Он гнул свое:

– Клоню я к тому, что не прибавляя ни рубля в общий корпоративный котел, вы, господин Березин, стали к тому же мешать нам зарабатывать наши деньги. Вы карабкаетесь год от года все выше и выше. Вы собрали вокруг себя шустрых и способных помощников, и это способствует успеху. Признаюсь, кажется, даже я в лучшие свои времена не был настолько популярен, как вы... – сообщил Кошарский с явным неудовольствием. – Но мои амбиции – дело прошлое. Сейчас вы же перебиваете клиентуру у многих активно практикующих членов нашей Гильдии. Особенно в последний год, после того, как вы перешли на систему постоянных контрактов. Ваша команда сметает всех на своем пути. Зрительные залы по всему городу грызутся за то, чтобы заполучить вас на пару вечеров, и с явным неудовольствием пускают к себе наших проверенных коллег... Вы в курсе, молодой человек, почем нынче билет "на Родиона Березина"?

– Для таких вопросов я держу бухгалтера, – лениво отозвался Родион, предпочитая снова разглядывать свои ботинки нежели разгоряченного Кошарского. – Ну а по большому счету, если кто-то хочет сделать на мне свои деньги, пусть делает, если это у него получается.

– Вы, кажется, вообразили себе, что нас можно отодвинуть в сторону, как старый табурет? Это опасное заблуждение, а вы уже не настолько маленький мальчик, чтобы такое заблуждение можно было вам простить... – зловеще вымолвил Кошарский. – Поэтому от лица всех присутствующих здесь коллег, а также от лица тех, кто не входит в Совет Гильдии, но тоже страдает от вашей чрезмерной активности, я уполномочен обратиться к вам с предложением об обоюдовыгодном сотрудничестве...

Голос Кошарского звучал все более и более официально, и Родион, словно повинувшись его тону, выпрямился в своем кресле. Однако, дожидаться, пока Кошарский договорит свое предложение, Родион не стал:

– Позвольте вас прервать! Я очень скверный мальчик, и буду предельно краток: вы мне надоели. Я прекрасно обходился без вас до сегодняшнего дня, и не планирую менять эту свою привычку точно так же, как и все остальные. Что-нибудь еще непонятно?

Воцарилась тишина. Родион осмотрел каждого из сидящих перед ним и потом уточнил:

– Разговор закончен, я полагаю?

– Ну, почти... – сурово сказал Кошарский. – Позвольте дать вам совет: не стоит пренебрегать хорошими отношениями с Гильдией, ибо кто знает, какие палки в колеса может поставить вам жизнь.

– Ах, мы переходим к угрозам? – оживился Родион.

– К угрозам? Разве? – переспросил Кошарский. – Отнюдь. Просто никто не знает что может произойти с бизнесом и с карьерой каждого из нас... И к вашей карьере это относится не в меньшей степени.

– Наймете крутых парней с маленькими головками и широкими плечиками? – усмехнулся Родион. – Уверяю вас, в случае необходимости я изыщу самые крошечные головки и самые широкие плечи во всем Питере. У меня хватит на это тех самых немереных доходов, на которые вы заритесь.

– О, в вашей платежеспособности я не сомневаюсь, – Кошарский сдержанно хмыкнул. – Возможно, что на определенном этапе вы вынудили бы нас выяснить, чьи плечи шире. Но люди нашей профессии, господин Березин, обладают множеством не таких кровопролитных и абсолютно верных способов убрать конкурентов с дороги.

Совершенно неожиданно из-за спинки кресла Егор издал такой звук, словно его тошнило. Вряд ли брат давился от смеха, скорее всего он просто решил подыграть Родиону. Но его смешок оказался очень в тему. Кошарский не ожидал от безмолвного телохранителя осознанных реакций. Он с удивлением воззрился на Егора, явно сбившись с мысли.

– Хотите меня заколдовать? – со смехом спросил Родион. – Давайте, давайте. Вы лучше меня знаете, что в ваших рядах нет ни одного настоящего кудесника.

Члены Совета угрюмо молчали, хотя на многих лицах читались возмущение и протест. Но видимо у Совета была четкая предварительная договоренность: вести переговоры было доверено Кошарскому. Поэтому он заговорил после тяжелой паузы:

– Я не хочу больше спорить с вами, Березин. Вы обыкновенный молодой нахал!

– Пардон, – возразил Родион. – Я как раз НЕобыкновенный молодой нахал. Поскольку я не шарлатан, в отличие от некоторых.

Вконец заведенный Кошарский подпрыгнул с места, почти бегом выбрался из-за длинного низкого столика, подскочил к креслу Родиона и уставился на ненавистного конкурента.

Вскинув в возбуждении руки, Кошарский, похоже, хотел просто сделать какой-то отчаянный жест, но у Егора нервы уже не выдержали. Он решительно шагнул в сторону и вышел из-за кресла, собираясь перехватить руку Кошарского, едва лишь тот потянется к брату.

– Спокойно, Егор, – Родион взглядом отправил Егора на место и, повернувшись к Кошарскому, вздохнул: – Чем еще удивите?

– Для начала можно просто-напросто лишить лицензии!!... – рявкнул Кошарский. – Мы имеем право обращаться в разрешительные государственные органы с просьбами об отзыве лицензии! И еще не было случая, чтобы к нам не прислушались!

– Вы не сможете лишить меня лицензии, – ласково сообщил Родион. – Потому что ее у меня нет. Она мне не нужна. То, что я делаю, лицензированию не подлежит. Я всего лишь демонстрирую удивительные, но невинные вещи...

Кошарский вызывал у него уже не гнев и не раздражение, а нестерпимую брезгливость. Но Родион решил не выдавать себя до конца. Срыв был совсем ни к чему.

Джан Серафимович помолчал и задумчиво сложил руки на груди:

– Что ж... Вы осторожны. И вам, судя по всему, дорого ваше доброе имя. Скажу вам, что его-то как раз испортить проще простого, тем более когда речь идет о ВАШЕМ добром имени. Вы слишком много поводов подаете для того, чтобы испортить собственную репутацию! – выпалил уже потерявший самообладание Джан Кошарский.

– Например? – поморщился Родион.

– Вы живете уединенно, замкнуто, общаетесь только с теми, кто непосредственно на вас работает. Вы не бываете в обществе, не выходите в свет, не посещаете места, которые просто необходимо посещать людям нашего круга... Народ ни разу не видел вас, своего кумира, в женском обществе...

Родион почувствовал, что губы его готовы заплескаться. Но он овладел собой и холодно пояснил:

– Да, Кошарский, меня не любят женщины. И что? Я не терплю, чтобы вокруг меня увивались толпы ничтожеств вроде ваших прихвостней. Опять же – и что? Как все это может повредить моей репутации? Мне двадцать восемь, и я – затворник. Согласен, что в глазах обывателя это выглядит странно, но это не есть аморальное деяние! Может, вас интересует узор на моем нижнем белье? Уверю, там нет нецензурных надписей, но если не верите, могу продемонстрировать!

Кошарский угрюмо молчал. Видимо, слов у него не осталось, а опуститься до выражений здесь и сейчас он не мог.

Родион вдруг понял, что все происходящее надоело ему по самое некуда.

– Не знаю, все ли вы высказали, но я ухожу. Оставьте меня в покое, – он попытался придать голосу равнодушие, но слова прозвучали несколько угрожающе. – Надеюсь никогда больше вас не видеть ни вместе, ни по отдельности.

Родион повернулся спиной к Кошарскому и его братии.

Не глядя на Егора, он поспешно двинулся к выходу. Отдавать Егорке приказания было ни к чему, он и так не отстанет ни на шаг. Прочь отсюда, иначе все усилия пойдут прахом. И так Родион удивлялся собственной выдержке.

Беседа получилась содержательная. Родион выяснил все, что требовалось. Ушки теперь стоило держать на макушке. Об эту отвратительную компанию из дома под солидной вывеской так легко было испачкать руки.

Родион вышел в коридор и стремительно пошагал вперед.

Глава 3

Егору пришлось поспешить. И сильно поспешить. Родион неся, как угорелый, стремясь поскорее покинуть здание Гильдии.

– Родька, подожди! – окликнул Егор брата, но тот почти бегом спустился с лестницы и исчез из вида.

Устремившись вдогонку, Егор сразу же заметил, что к входной двери откуда-то из-под лестницы бросился опозоренный вахтер. Возможно, ему строго запретили покидать свой пост, потому что он все еще был в тех самых брюках, в которых

его недавно постигло несчастье.

Егору очень хотелось побыстрее проскочить холл, и он ни за что не остановился бы, но взметнувшаяся рука преградила ему путь, оперевшись в дверной косяк прямо перед его носом.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Егор. Выяснять отношения было некогда. Родион мог за это время убежать сгоряча Бог знает куда.

– То самое, приятель! – проскрежетал зубами оскорбленный охранник. – Ты передай своему боссу, пусть не выпендривается, если не хочет больших неприятностей... – и мощная лапа сгребла Егора за воротник. – И он еще крупно пожалеет о том, что сделал...

Интересно, почему охранник решил, что Егор будет смирно стоять и терпеливо ждать, пока его потреплют за шиворот? Егор с силой вlepил детине каблуком по колену. Застонав от боли, вахтер согнулся и схватился руками за ногу.

– Ну, змееныши... Вы этот день еще вспомните... – провыл он уже за спиной Егора.

Иногда Егор жалел, что за годы пребывания в должности Стража он так и не занялся собой по-настоящему. Все-таки он не был телохранителем в обычном смысле этого слова и ненавидел ситуации, в которых приходилось прицельно махать конечностями. Хотя, конечно, должность время от времени ставила его именно в такие нелюбезные сердцу положения.

После стычки у двери жалость к описавшемуся вахтеру у Егора благополучно прошла, он прошмыгнул сквозь тяжелые тройные двери и выскочил на улицу.

Родион, сунув руки в карманы пальто, размашисто шагал по противоположной стороне набережной, вдоль гранитного парапета, и был уже в квартале от здания Гильдии.

Егор забрался в машину, поспешно развернулся на практически пустой проезжей части и догнал брата. Остановившись рядом с ним, Егор наклонился и распахнул правую дверцу:

– Влезай!

Но Родион повернулся спиной к машине и встал, навалившись на парапет.

– Босс, влезай, поехали!..

Увы, босс прикинулся, что оглох. А может быть и вправду был слишком на взводе, чтобы обращать внимание на призывы своего Стража. Егору ничего не оставалось, как снова выбраться наружу. Если боссу приспичило подышать ночным октябрьским воздухом, значит придется терпеливо ждать, когда это его желание пройдет.

Егор встал рядом и искоса взглянул на брата:

– Поздравляю, ты неплохо держался.

Родион отрешенно смотрел на темную колышущуюся водную поверхность, но вопрос слышал. Презрительно усмехнувшись, он тихо проговорил:

– Неплохо держался? Тебе так показалось? Тогда ты даже не представляешь, насколько ты ошибаешься, Страж... Удивляюсь, как меня не стошнило к концу беседы.

– Нисколько я не ошибаюсь. Ты довел Кошарского до ручки... Я тобой любовался, – честно признался Егор. Он и вправду, до чертиков завидовал необъяснимой способности Родиона небрежно и вдохновенно издеваться над людьми. – Умеешь ты себя красиво подать.

Родион грустно хмыкнул.

– Держись теперь, Родька... Кошарский на тебя всех собак спустит!

– Я его не боюсь.

Сказано это было с такой холодной уверенностью, что Егор разозлился:

– А может быть зря?!

– Если ты так считаешь, доложи о своих опасениях Осташову. Он парень толковый, обмозгует все, – равнодушно протянул Родион. – Если надо будет, он наймет тебе несколько надежных парней для постоянного сопровождения.

– Мне парни для сопровождения не нужны! – возмутился Егор. – Я, между прочим, не наживаю себе врагов на каждом шагу!

– А о себе я сам позабочусь. К тому же у меня есть ты, не так ли? – усмехнулся Родион. – Или в свете грядущей схватки мой Страж решил поджать хвост и сигануть в кусты?

– Я могу расшвырять в коридоре полдюжины поклонников, желающих пожать тебе руку, но если за нас возьмутся всерьез, хреновым я окажусь Стражем. Родька! – взмолился Егор. – Ты же знаешь, на что я способен, а на что нет! Я же не супермен!

Родион поджал губы, покачал головой, нахмурившись, но вдруг весело улыбнулся:

– Не паникуй ты раньше времени! Справимся.

– Справимся? С Кошарским и его Гильдией?! Вдвоем?!

– Если боишься, можешь не участвовать, – пожал плечами Родион.

– А если они завтра же...

Родион недовольно поморщился и погрозил Егору пальцем:

– Слушай, Егорка, не доставай меня. Когда ты, наконец, научишься решать проблемы по мере их возникновения? Или это тебе категорически не по силам?

– А ты считаешь, что проблема еще не возникла?

– Как только это случится, я тебе сообщу! – рявкнул Родион. Потом озабоченно глянул на Егора, убеждаясь в воспитательной силе своего голоса, и уже спокойнее добавил: – Не суетись на пустом месте.

– Ага! На пустом месте? Ты что, будешь утверждать, что Кошарский – пустое место?!

– Буду, – кивнул Родион. – Жаль, что мы сейчас не на Невском в час пик. Я бы мог показать тебе один фокус, на который способен практически каждый, только с разной результативностью. Я созвал бы толпу человек в пятьсот, рассказал бы им пару бак о дружбе и любви, а на прощание заявил бы, что к вечеру все мои слушатели скоропостижно умрут, – Родион зловеще усмехнулся и добавил: – Готов спорить, что среди пятисот слушателей пара трупов к вечеру была бы обеспечена.

– Да? Допустим. И что же?

– А то, что у Кошарского трупов было бы около десятка. Все зависит от степени внушаемости конкретного человека и от актерских способностей внушающего. Сплошные естественные факторы и никакого мошенничества, – пояснил Родион. – Кошарский всего лишь хороший актер, на которого клюет достаточный процент гипнабельных личностей, и только.

Родион замолчал и рассеянно провел рукой по лицу. Казалось, что от разговора с братом он устал куда больше, чем от изощренной перепалки с председателем Гильдии.

– Да пусть они там все бездари, пусть... – нехотя согласился Егор, хотя красноречие брата ни в чем его не убедило. – Даже распоследнее ничтожество и то не станет терпеть выходки молокососа-фокусника! Ты одним махом нажил себе десяток врагов! Да что там десяток! Завтра вся Гильдия, какая бы она ни была беспомощная, закипит!

Родион помолчал, шевельнулся и вдруг тихо рассмеялся:

– Пусть закипит... Лизать Кошарскому задницу я не буду. Не любитель.

– Дать бы тебе по шее... – растерянно вздохнул Егор.

– Не надо по шее. Лучше дай лапу, – проговорил Родион и жадно вцепился в протянутую ладонь холодными, чуть дрожащими руками. Через минуту он разжал руки и отвернулся.

– Чудной ты у меня, кудесник, – вздохнул Егор и взял брата за плечо. – Поехали домой, хватит на сегодня экспериментов. А то еще, чего доброго, знаменитого телекинетика Березина и вовсе сглазят в этом нехорошем месте, напичканном одними бездарями... Поехали домой, Родька!

– Дяденьки бизнесмены! – осипший детский голос зазвучал совсем рядом. Родион резко вздрогнул и оглянулся, и лицо его сразу же перекосила брезгливая гримаса.

Егор повернулся и увидел мальчишку лет пятнадцати, худого, в непомерно большой куртке и туго натянутой шапочке со свалывшимся помпоном. На висках и грязной шее пацана чуть ли не комья чернозема висели.

– Дяденьки бизнесмены! – бомжонок звучно шмыгнул сопливым носом и провел по губам перепачканным кулаком. – Подайте на хлеб, дяденьки, с утра ничего не ел!

Родион поежился, бросил сквозь зубы:

– Пошел прочь отсюда! – и отвернулся к реке.

Мальчишка настороженно замер, но не ушел, а с надеждой уставился на Егора.

Егор вынул из нагрудного кармана купюру и, вскользь подумав, что малец, скорее всего, если и успеет купить что-нибудь для себя, то это будет не хлеб, а сигареты, двумя пальцами протянул деньги мальчишке.

Тот заворожённо смотрел, но не на деньги, а в лицо Егору, но потом очнулся, подхватил подачку и стремительно помчался по набережной, спеша удалиться на безопасное расстояние от двух странных дяденек.

– Делать тебе нечего, – проворчал Родион.

– А тебе что, жаль каких-то крох? – удивился Егор.

– Ты хоть видел, кому давал? – брезгливо пожал плечами Родион. – На редкость противный замарашка. Он что вообразил? Что чем грязнее его руки, тем он скорее разжалобит дяденьку бизнесмена? Так он думает, да?

– Он вообще никак не думает, – устало возразил Егор. – Он живет в люке.

– Даже живя в люке, можно найти воду, чтобы умыться и не вызывать своим видом тошноту у тех, у кого просишь на хлеб, – отрезал Родион. – Неужели он не понимает, что противен?

– Ему до сих пор никто не сказал о том, что он противен, а сам он еще слишком глуп, чтобы понять, почему от него шарахаются прилично одетые люди... – со вздохом сказал Егор. – Ему все равно.

Родион задумчиво взглянул вслед убежавшему пацану, потом перевел взгляд на Егора и сухо заметил:

– Ну конечно, ты у нас хоть и бестолковый, но такой душевный парень, а я такой-сякой нехороший, придираюсь ко всяким мелочам.

Егор проглотил и это, промолчал, считая, что инцидент исчерпан, но Родион вдруг сорвался на крик:

– Знаю, знаю: этот шкет – святая простота, над ним надо умильно сюсюкать! А я – бессердечный зажавшийся злыдень! Да?!

– Что ты разошелся? – изумился Егор. – Прекрати! Орешь на всю улицу!

– Хочу и ору! – огрызнулся брат. – Все, Егор, я валюсь с ног. Поехали домой!

Он с силой рванул дверцу, забрался на сидение, заерзал, остервенело поддергивая длинные полы пальто. Потом вдруг откинулся на спинку и затих.

Егор послушно занял свое место и повел машину по опустевшим ночным улицам. Родион полулежал, откинувшись и прикрыв глаза, и за всю дорогу не произнес ни слова.

Машина въехала под узкую арку в страшноватый двор-колодец и заняла свое место между мусорным бачком и подъездом с кодовым замком на обитой дерматином двери. Фары, осветив напоследок кривые надписи на стене, погасли. Егор тронул Родиона за колено, и когда тот встрепенулся, Егор отметил, что глаза брата стали совсем измученными. Стойко продержаться во враждебном окружении, а потом известить себя на какой-нибудь ерунде – это было как раз в репертуаре его светлости.

Хмурый и угрюмый, Родион молча проделал весь путь до двери в квартиру. Пока Егор возился с замком, брат внимательно изучал глубокий лестничный пролет, а потом, входя в квартиру, проговорил:

– Ты был, конечно, прав.

– В чем именно?

– Тот бомжонок, скорее всего, действительно не придает всему этому значения...

– Ты что, все об этом? – недовольно фыркнул Егор. – Я уже и думать о нем забыл.

– Конечно, ему все равно, – словно не слыша, продолжил Родион. – Но, к его несчастью, мне не все равно. И ни ему, ни его собратьям не подам даже копейки.

Завершив свою мысль, Родион небрежно скинул ботинки, упираясь носами в задники, потом, не оборачиваясь, сбросил пальто прямо на пол и пошел своей дорогой.

Егор со вздохом наклонился, поднял пальто, но возмущаться не стал. Порядок в доме лежал на нем, а не на боссе.

– Ужинать не буду, – сообщил Родион, входя к себе. – Завтрак к десяти: яичницу с овощами.

Когда Егор расставил обувь, повесил пальто брата и свою куртку и прошел к себе, дверь комнаты Родиона оказалась плотно притворенной, а из-за нее не доносилось ни звука. Зажравшийся злыдень, отведав душу, уже изволил почивать.

Гл

ава 4

Члены Совета Гильдии расходились медленно и неохотно. Не наговорившись наверху, в зале заседаний, они долго толпились в вестибюле, орали, спорили, перебывая друг друга.

Творческие люди, черт их дери.

Хотя непонятно, ради чего стоило так шуметь, ведь разномастная компания была единодушна в главном: Родион Березин есть элемент исключительно вредный. Если и не для общества в целом, то уж для славной Гильдии точно.

До конторки Андрея доносились сумбурные выкрики с лестницы, отдельные горячие реплики и нестройный, но весьма агрессивный гул. Главные чародеи всея Руси на чем свет стоит поносили наглеца Березина, размахивали руками и угрожали всерьез взяться за своего нахального недруга.

Андрей не мог дождаться, когда же, наконец, вся эта братия вытечет из здания наружу и растворится в тумане. Казалось, это будет длиться вечно, и в конце концов эти бабки и дядьки застрянут здесь на всю ночь.

Некоторые подходили к конторке, выражали Андрею свое сочувствие, возмущались, советовали немедленно подать на Березина в суд за оскорбление действием и предлагали свои варианты суммы, которую следовало в этом случае потребовать в качестве компенсации за моральный ущерб.

Андрей вежливо кивал, глотал ярость, комком застревающую в горле, и сквозь зубы благодарил за участие. Ему не проходило притворяться оскорбленным, душа его кипела от унижения.

Чего Андрей никак не мог предвидеть, так это собственного конфуза. Последний раз он наделал в штаны лет тридцать назад, будучи в нежном детсадовском возрасте... Прodelка фокусника Березина оказалась для него совершенно неожиданной. За те месяцы, которые Андрей провел при Гильдии, он не пропустил практически ни одного публичного сеанса модного телекинетика, но так и не выяснил до конца, какие хитрые штучки способен творить этот парень.

Конечно, можно было бы предположить, что человек, управляющий электромагнитными полями, сможет заставить сократиться или расслабиться мышечные ткани человеческого организма. Но у Андрея не было времени для таких гипотез. Познание объекта пошло непредсказуемым эмпирическим путем, и первый результат был ошутим, сыроват и слегка вонюч. Андрей лишь тогда понял, что происходит, когда горячая струя потекла по ногам.

После того, как прошло изумление, первым желанием Андрея было несмотря ни на что вцепиться в фокусника и научить его кое-чему... Едва сдержался.

Андрей старался заглушить досаду. Ладно бы еще от столь тяжкого испытания была бы практическая польза... А так – ничего, кроме стыда, горечи и яростного желания стереть Березина в порошок.

Но все же, несмотря ни на что, кучерявый наглец оставался твердой валютой, которой не грех было обзавестись. Такие ребята не только на дороге не валяются, они нигде не валяются... Вот только возможно ли приручить такого строптивца? Если это вообще возможно, то дано не всякому. Джан Серафимович точно свою вставную челюсть обломает.

Пока в вестибюле без толку толпился народ, а к бедрам прилипли мокрые брюки, ни о каких дельных размышлениях и речи быть не могло. Андрей рассеянно прощался с покидающими вестибюль кудесниками и нетерпеливо сучил ногами, ерзая на стуле: очень хотелось переодеться.

Увидев, как к конторке направляется Кошарский, неторопливо вышагивая по вестибюлю, Андрей призвал на помощь все свое благоразумие.

За время своей верной службы в чародейском гадюшнике Андрей люто возненавидел этого чванливого бездаря. Кошарский всплыл и прославился на ерунде. По части природных талантов председатель не годился и в подметки

некоторым из рядовых членов Гильдии, например, умнице Марьяну, но своей жесткой дланью Кошарский держал в узде многочисленный коллектив и заставлял послушных соратников пахать на себя и на особ, приближенных к своей персоне.

Не то чтобы Андрей завидовал статусу Кошарского... Он не желал бы занять его место, потому что не представлял себя во главе официального учреждения. Андрей не собирался быть на виду, по крайней мере в обозримом будущем. Даже в случае успешного развития событий Андрей не планировал приучать широкую публику к себе. Роль серого кардинала, тайной, но сильной руки всегда прельщала Андрея больше, чем всесторонний выпендрей Кошарского.

Самодовольство Джана Серафимовича и его вкрадчивый, чрезмерно дружелюбный тон добренького барина просто выводили Андрея из себя. И теперь любезничать с ним и обсуждать свое плачевное положение – еще одна пытка этой проклятой ночи.

– Все разошлись, Андрюша, я последний, – ласково проговорил Кошарский, остановившись около конторки.

Так Кошарский обращался не только к Андрею. Прочий подсобный персонал своего небольшого ведомства председатель также знал по именам, и вообще он был известен близостью к народу, никогда не забывал спросить служащих о здоровье родителей и школьных успехах детей. Кому-то это, возможно, было по душе. Но Андрею повышенное внимание чужого человека было не нужно, особенно учитывая его нынешнее положение.

– Хорошо, проверим систему, – отозвался Андрей, выставил рычажки на пульте охранной сигнализации, проверил включение и, убедившись, что цепь замыкается нормально, взглянул на Кошарского. – Все в порядке, Джан Серафимович. До свидания.

Но Кошарский не собирался удаляться. Он привалился к окошечку конторки, опираясь плечом на стену, и воззрился на Андрея из-под полей своей модной шляпы.

– Тебе сегодня досталось, дружок, – мягко сказал он, покачивая головой.

– Ничего, Джан Серафимович, – вздохнул Андрей, стиснув зубы. – Работа такая, все бывает.

– Я подумаю, как впредь обеспечить тебе и твоим коллегам достойную компенсацию за подобные происшествия. Ведь это форменная производственная травма, не только физическая, но и моральная, разумеется...

Андрей едва сдержался, чтобы не зарычать в ответ.

Кошарский все стоял рядом с окошечком конторки, и его рука в перчатке слегка постукивала по стеклу.

– Мне пора сдавать здание под охрану, – угрюмо заявил Андрей. – Или вы что-то еще хотите мне сказать?

– Да есть у меня к тебе дельце, дружок, – протянул Кошарский, пристально взглянул на Андрея и обеспокоенно уточнил: – Ты только расстроен, Андрюша, или тебе еще к тому же и нездоровится?

– С чего вы взяли? – буркнул Андрей.

– Бледный ты, руки подрагивают, – Кошарский поджал тонкие губы и пытливо взглянул в глаза Андрею. – Готов побиться об заклад, что мысленно ты откручиваешь Березину голову. И в этом я готов присоединиться к тебе, дружок... – Кошарский снял перчатки и размял пальцы. – Более того, я готов признать, что Родион Березин – это очень скверная проблема.

С этим было трудно не согласиться. Но поддакивая Кошарскому, можно было навести его на совсем несвоевременные мысли. И Андрею пришлось выкручиваться:

– Да стоит ли связываться? – буркнул он. – Кудесник он, конечно, стоящий, но ведь скотина.

– Ну это я и без тебя знаю. Березин – это алмаз, как ни крути... Но дерзок мальчишка. А дерзок потому что молод и глуп... – усмехнулся Кошарский. – Ты близко к сердцу не принимай. Обломаю я его... – на этих словах голос

Кошарского стал ледяным. – Обломаю паршивца, как прутик. Березин меня за живое задел, и даром ему это не пройдет. Мое самолюбие что-нибудь да стоит, как ты считаешь, Андрюша?

Андрей смолчал и отвел глаза. Он со своим-то самолюбием еще не сговорился, так где ему было прицениваться к амбициям председателя.

– И проблему эту я намерен решить немедленно... – жестко бросил Кошарский. – Он мне нужен, Андрей. Как можно скорее. Весь целиком, на блюде. Потроха я сам достану.

Этого Андрей опасался больше всего. Он покосился на Кошарского. Тот нервно тискал кожаные перчатки, грозя проковырять в них дырки. Сразу видно, решение свое он менять не намерен.

– Действуй, Андрюша. Все должно быть организовано на уровне.

– Я думаю, это ваша ошибка, Джан Серафимович.

– Ошибка? – брезгливо переспросил Кошарский. – Кажется, ты меня не понял, Андрюша, или не хочешь понимать. Мне он нужен. Это исключительный гадыш, и поэтому я хочу его заполучить... Плевать мне на его пакостную натуру! Он пахнет большими деньгами. И я готов потратиться на его перевоспитание! Теперь тебе все ясно?

Андрей молчал.

– Неужели, Андрюша, мои смутные опасения подтверждаются? – голос Кошарского снова стал ласковым.

– Какие опасения? – Андрей попытался придать своим словам побольше равнодушия, но внутри у него все напряглось.

– Если кто-то перестает понимать меня с первого раза, это означает, дружок, что этот кто-то ведет какую-то свою игру... – Кошарский покачал головой и укоризненно добавил: – От тебя я этого не ожидал... Думаешь, я не знаю, что ты Березина для себя припасти хочешь?

Андрей вскинул голову:

– Джан Серфимович, я работаю на вас!

Кошарский раздул ноздри и ощерился:

– Не держи меня за дурака! Левачок ты гонишь, Андрюша... Обводишь меня, доброго и наивного старика, вокруг пальца... Смелый ты парень. Должен, вроде представлять, чем это может закончиться, – Кошарский помолчал, потом спросил с нежностью. – Проблемы, милый? Деньжат не хватает? Решил с дороги, наезженной трудами старого Джана, развилочку проложить?

– Я исполняю ваши поручения от и до!

– Верно. Но с некоторого времени, ты с еще большим рвением занимаешься собственными делишками. Я не терплю, когда мои люди работают на два фронта! Я наказываю подобную самодеятельность, и очень строго...

Андрей взглянул в глаза Кошарскому и, видимо, не смог скрыть охватившей его злобы:

– Воля ваша, Джан Серафимович. Если вы не хотите, чтобы я на вас работал...

– И не думай, дружок, что ты сейчас просто уйдешь и продолжишь гнать левачок. Ты останешься здесь, при мне, и думать забудешь о своей кустарной возне. Иначе будешь иметь неприятности, Андрюша.

Кошарский не стал бы сдавать Андрея и тем самым разглашать тайны хитрого бизнеса, идеологом которого он оставался по сей день. Но Андрей теперь уже не сомневался, что он в руках у старого хрыча.

– Так что подумай, Андрюша. Мне, конечно, жаль твоего мальчишку, но если ты не будешь благоразумным...

– Прекратите, Джан Серафимович! – перепугался Андрей.

Брови председателя взлетели домиком:

– Уж не думаешь ли ты, что я за столько времени не заметил твоего маленького звереныша и не разузнал хорошенько, откуда он взялся?

Андрей стиснул кулаки и промолчал. Возразить ему было нечем.

– Короче говоря, даю тебе карт-бланш, Андрюша, – процедил Кошарский. – Я хочу, чтобы Березин на коленях приполз ко мне, сжимая в одной руке вступительный взнос, а другую протягивая за членским билетом Гильдии.

Кошарский неторопливо натянул перчатки, вздохнул и совершенно спокойно закончил:

– Ладно, заболтался я с тобой. Жена, должно быть, заждалась. Да и водитель наверняка уже уснул в машине, меня дожидаясь. А тебе пора переодеться, а то от тебя скверно пахнет... Всего хорошего, Андрюша. Спокойной ночи, дружок.

Андрей послушно оскалился в ответ, проклиная своего заботливого начальника.

Едва лишь за Кошарским закрылась тяжелая входная дверь, Андрей выскочил из конторки и бросился в хозяйственную кладовую. Оставаться на вахте в пропахших мочой брюках он не больше не мог. Прежде, чем он сможет принять душ, надо было отыскать хоть что-нибудь на смену.

Отперев кладовую, Андрей щелкнул выключателем и окинул беглым взглядом большую комнату, которую едва-едва освещала совсем слепая лампочка. Пахло пылью и непросохшими половыми тряпками. Приглушенно ругаясь, Андрей пробрался через нагромождение вставленных одно в другое ведер, штабеля картонных коробок, мешков и пакетов. Покопавшись, он отыскал широкие линялые синие брюки, заляпанные во многих местах разноцветными каплями масляной краски. Все лучше, чем ничего.

Андрей быстро переоделся и вернулся на пост.

В темном вестибюле было прохладно и пусто. Все, кому следовало уйти, давно ушли.

Когда из-за колонны неожиданно выскочил оборванный паренек в черной куртке, скособоченных сапогах и шапочке с помпоном, Андрей, не желая тратить слова, грозно пошел на непрошенного гостя с намерением вытолкать его вон, рывком хватил за грязный воротник...

– Эй, ты чего?! – заверещал паренек, и Андрей, переведя дух, с изумлением понял, что не узнал в оборванце собственного сына.

– Ну ты сегодня вырядился... – опешил Андрей. – Это уже слишком...

– Ты же сам послал меня... повертеться возле них, – пояснил Шурка с тревогой. – Ты что, не помнишь?

– Помню. Ну и как? – скептически усмехнулся Андрей. – Есть результат?

– Этот длинноволосый – жмот. А стриженный ничего... Вот! Добыл пять баксов, – довольно улыбнулся Шурка и полез в карман. – Пап, у нас какой курс нынче?

– Бес его знает, – нервно фыркнул Андрей. – Везунчик ты у меня, Шурка.

– Пап, ты что такой? Что-то не так? – опять встревожился Шурка.

– Все в порядке. Иди-ка, смой эту грязь... – Андрей брезгливо сморщился, проведя пальцем по щеке сына.

– Можно, я с тобой посижу? – с надеждой спросил мальчик, кивнув на конторку.

Но Андрей категорически покачал головой, и Шурка, вздохнув, поплелся в служебку.

Входные двери заскрипели вновь.

Невысокая, тонкая, как стебелек, женская фигурка застыла у лестницы.

– Елена? Ты зачем здесь? – удивился Андрей.

– Джан еще тут? – нетерпеливо отозвалась она. – Я звонила ему, телефон отключен.

– Он уехал десять минут назад... Где ты шляешься? Он считает, что супруга его дома заждалась, – съязвил Андрей, вдыхая сильный аромат вечерних духов.

– Я была в театре, – невозмутимо ответила женщина.

– Ой ли?

Елена и вправду была в нарядных, но слишком легких для конца октября туфлях и в элегантном вечернем платье, которое виднелось под небрежно наброшенным плащом.

– Тебе предъявить билет? – засмеялась она.

– Джану предъявишь... Не для того я вас свёл, чтобы ты, дура, своими похождениями все испортила! – заорал Андрей.

– Ты что себе позволяешь? – тихо и брезгливо спросила Елена. – Я прекрасно понимаю свою высокую миссию. Нечего на меня кричать... К тому же я действительно была сегодня в Мариинке.

Андрей стиснул кулаки:

– Ладно... Извини, я просто не в себе.

– Что-то случилось?.. И чем это пахнет?

– Производственная травма, – ответил Андрей, вспомнив утешения Кошарского.

– А раз так, нечего срывать на мне досаду, – отрезала Елена.

Андрей безропотно проглотил замечание. В последнее время он чувствовал себя все беспомощнее в ее присутствии. Да, Елена приходила по первому зову, выполняла поручения, не обсуждая их и не протестуя. Но при этом на ее лице

всякий раз появлялось выражение брезгливой усталости.

Когда-то все было иначе.

Год назад Андрей искал себе и сыну очередное временное пристанище. Тогда Марьян уже вполне освоился в Питере и настойчиво звал Андрея к себе на жительство. Но пойти на это означало связать себе руки, и Андрей не согласился.

Будучи в то время на мели, он не мог снять жилье и решил обосноваться на некоторое время за городом в одном из легких дачных домиков, позаброшенных на зиму своими городскими хозяевами.

Совершенно наугад Андрей и Шурка выбрали один из домишек, такой же отсыревший и нетопленный, как все прочие, с выбитыми кое-где стеклами и дверью, держащейся на соплях. Андрей был уже закаленным скитальцем, да и Шурку успел приучить к кочевой жизни, поэтому такие мелочи не могли испугать их.

Выбранный домишко ничем не отличался от множества, сгрудившихся вокруг, но если с вечера отец с сыном ничего подозрительного внутри не обнаружили, то утром Шурка расслышал на чердаке какие-то звуки... В недостроенной еще мансарде оказались следы недавней оргии и избитая, обессиленная в нервной лихорадке девушка.

Нужно было, конечно, вызвать милицию и скорую, но Андрею совсем не хотелось никому объяснять, кто он и что делает с чужом доме, поэтому, тщательно осмотрев девушку, Андрей решил, что справится своими силами.

Какие-то подонки обошлись с бедняжкой довольно скверно, но то ли вовремя одумались, то ли просто побоялись убить. Ее связали, чем попало, да и бросили прямо в пустом промерзшем домике, оставив ничего не подозревающим хозяевам страшный подарок к неблизкой еще весне... Если бы не случай, пославший ей Андрея, девчонка неминуемо погибла бы, потому что ни освободиться самой от пут, ни позвать на помощь она не смогла бы.

Сначала она страшилась даже собственной тени, боялась, что насильники вернутся, долго не хотела назвать свое имя... Андрей как мог успокоил ее,

приложив все свои умения, просидел с ней несколько ночей, пока она не оклемалась немного, залечил нехорошие жестокие раны, поил, кормил, расчесывал длинные каштановые волосы, вытирал слезы со щек...

Потом Елена поправилась, и Андрей готов был ее отпустить на все четыре стороны. Но девушка оказалась не только красавицей, но и умницей, и Андрею подумалось, что он вполне имеет право воспользоваться ее услугами хотя бы в качестве компенсации за хлопоты.

Марьян встал на дыбы. Третий всегда казался ему лишним. Марьян с неохотой терпел даже Шурку, а уж идее Андрея насчет девушки он сопротивлялся долго и упорно. Андрею с трудом, но удалось восстановить мир в своем королевстве, и он оставил Елену при себе.

Несколько месяцев он кормил ее наравне с собственным сыном, одевал так, как подобает быть одетой красивой девушке ее лет... И справедливо надеясь если не на слепую преданность, то уж хотя бы на благодарность и помощь, Андрей через некоторое время посвятил ее в свои дела и планы. Вряд ли она оказалась от них в восторге, но никаких протестов не высказала, и выполняла все, что ей велели. Хотя в последнее время Андрея просто бесил ее усталый взгляд, полный досады и отвращения.

В душу Андрея уже не первый раз закралось сомнение: а можно ли доверять девушке так же безоговорочно, как и прежде? Вряд ли... Все перечит да подшучивает, и глаза какие-то отсутствующие.

– Не раскисай, Андрей, – равнодушно произнесла Елена. – Попробуй отнестись ко всему философски... Должны же быть издержки на пути к твоим великим целям. Я вот должна изображать верную супруга старого придурка. Думаешь, так приятно его дряблые тела оглаживать? А ты вот штанишки подмочил, и уже расклеился.

– Замолчи! – оскалился Андрей. Иногда ему хотелось просто свернуть ей шею. – Что ты вообще в моих целях понимаешь?!

– Ну не скажи, – грустно обронила Елена. – Благодаря твоим гениальным затеям я начала разбираться в самых невероятных вещах.

Он не мог понять, почему взгляд девушки становился таким холодным, едва только они оказывались наедине. Это злило, тревожило и заставляло строить самые немыслимые предположения.

Андрей давно уже научился держать себя в руках и благодаря этому столько лет жил тихо и незаметно. Но участившиеся стычки с этой юной, но такой своеобразной женщиной могли пустить псу под хвост все благие усилия. То ли она просто осмелела и строит из себя независимую особу, то ли на уме у нее что-то мерзкое... Андрей чувствовал, что ему этого уже не разгадать. Теперь, когда все смешалось, когда все планы на грани срыва, Елена становилась для Андрея размытым пятном, над которым он потерял контроль и былую власть. А может быть и вовсе не было той власти.

– Ты чем-то не довольна? – уточнил Андрей.

Она склонила голову. Каштановые волосы соскользнули с плеч, завесили лицо. Рука Андрея сама потянулась поправить эти скользкие блестящие пряди.

Елена недоуменно взглянула:

– Что?

Андрей провел тыльной стороной ладони по бархатной щечке. Елена наклонила голову на бок, словно собираясь прижаться щекой к мужской руке, но вдруг резко толкнула ладонь Андрея подбородком:

– Не надо! Марьяна своего ненаглядного погладь...

Он подавил желание ударить ее и только сказал твердо:

– Завтра мне нужно, чтобы ты кое в чем помогла Марьяну. Ему предстоит одно трудное дельце.

– На тему?

– Тема та же. Березин. Я не собираюсь отдавать его Джану.

Она не задала больше вопросов, опустила голову, засунула руки в карманы плаща, вздохнула с таким отстраненным и скучающим видом, словно любое поручение Андрея было ей одинаково безразлично.

– Они нужны тебе оба? И Егор тоже? – произнесла она вдруг.

– Егор? Хм... – удивился Андрей. – На что мне сдалась эта безмозглая нянька-наседка? Правда, он больно лягнул меня в колено, но в сравнении с проделками его брата это ровным счетом ничто. Мусор мне ни к чему.

– Что ж, я поняла! – Елена встала и, не говоря больше ни слова, пошла к выходу.

– Подробности завтра! – крикнул Андрей ей вдогонку. – Марьян с тобой свяжется!

Она что-то прошипела и выскользнула на улицу.

Андрей со вздохом поднялся, протопал к входной двери, накинул здоровенный старорежимный крючок, покрутил ключами в замочных скважинах, вернулся в конторку и включил систему сигнализации, а потом медленно побрел по коридору, в служебную бытовку.

Три вахтера, работавшие в Гильдии посменно с Андреем, имели отличные квартиры, после смены стремились кто домой, кто в места не менее привольные, и к удобствам во время дежурства они были почти равнодушны. Служебной комнатой они не очень-то интересовались и пользовались ею редко. Поэтому Андрей, устраиваясь на работу, с согласия коллег и разрешения Кошарского превратил служебку в свое временное жилище.

Это было просторное помещение с огромным трехстворчатым окном, от которого, правда, почти не было толку: слишком высоко от пола было расположено это окно. Однако при значительном объеме комната была теплой, и за долгие годы скитаний это было первое приличное место, не вызывающее отвращения.

Андрей перегородил комнату тяжелыми старыми шкафами, устроил закуток для ночевки, оборудовал уголок для кухни. Наконец, он перенес из канцелярии

компьютер, который пылился там без дела: бухгалтерша Гильдии, классическая шушара позднепенсионного возраста, боялась прикасаться к чудесной машине.

Компьютер был водружен на низкий столик, подключен, отлажен, и Андрей частенько поигрывал вслед за Шуркой в его игрушки, проходя этап за этапом. Бессмысленное в сущности занятие успокаивало разыгравшиеся нервы. Хотя, конечно, после сегодняшних передрыг никакая игра не в силах была помочь.

В комнате было темно, только попискивал компьютер, и умытая, но еще непросохшая физиономия Шурки блестела в непосредственной близости от монитора. Мальчишка сражался с очередным монстром, так ожесточенно орудуя джойстиком, что тот только жалобно потрескивал.

– Не тыкайся носом в экран, – машинально проговорил Андрей, закрывая за собой дверь.

– А то зрение испорчу? – засмеялся Шурка.

– Это было бы не очень смешно.

– Брось, папа. Какая разница, если я скоро окажусь прямо там... – Шурка кивнул на экран монитора. – Я не успею испортить зрение... Да там глаза и не нужны...

Может быть, была вина Андрея в том, что сын до сих пор с трудом выражал свои мысли... То есть, говорил-то он иногда больше, чем нужно, но от его заявлений в пору было чесать в затылке.

– Где это ты окажешься? – подозрительно уточнил Андрей. – Прямо там – это прямо где? Замахнулся на виртуальную реальность?

Шурка с досадой поморщился.

– Ну не прямо там... – вздохнул он. – А в таком же беспредельном месте.

– В компьютере нет беспредельных мест, а одни нули и единицы, я же тебе объяснял... – возразил Андрей. – Ты уже в состоянии это понять.

– Там всё есть! – уверенно сказал Шурка. – Но чтобы попасть туда надо этот мир навсегда покинуть!

Андрей прекрасно понимал, что вразумлять Шурку бесполезно. Мальчишка всерьез относился к своим фантазиям.

– Сделай милость, повремени с этим... – Андрей произнес это в шутливом тоне, но беспечное отношение сына к пограничному и потустороннему тревожило его. Поменьше бы Шурке общаться с Марьяном.

– Папа! – нетерпеливо окликнул Шурка.

– Что? – устало вздохнул Андрей.

– А Елена говорит, что ты псих.

– Наплюй на нее, – отмахнулся Андрей.

– Да-а, наплюй... – голос сына зазвучал обиженно. – Ты же не псих!

– А вдруг у меня и справка есть? – усмехнулся Андрей.

– Как это? – растерялся мальчик.

– Шутка, – мрачно отрезал Андрей.

Шуток сын не понимал, и это иногда огорчало Андрея.

Справка, тем не менее, существовала. У Шурки. О задержке у подростка психического развития. Правда, умыкнув сына из интерната, Андрей забыл прихватить эту справку.

– Ага-а... – загадочно протянул Шурка.

– Что "ага"? – не понял Андрей.

– Ух ты! Куда собрался?! На, получи, фашист, гранатой! – выпалил Шурка под отчаянный скрип суставов джойстика. Потом он вдруг бросил игру, отвернулся от компьютера и внимательно взглянул на отца. Ему хотелось спросить что-то еще, но похоже, было боязно.

– Что ты, Шура? Еще какие-нибудь глупости?

Шурка потупился, потом уставился на Андрея широко раскрытыми глазами и спросил немного встревоженно:

– Папа, а тебя не поймают?

– Кто это должен меня поймать? – удивился Андрей.

– Елена сказала, что если ты не оставишь свои затеи, тебя поймают и, может быть даже убьют... Она говорит, что ты непременно попадешься, потому что уже ничего не соображаешь... – пробурчал Шурка.

– Вот паразитка! – вскипел Андрей. – Болтает, что попало! Вот я ей устрою!

– Папа, так тебя не поймают?

– Не смогут, – засмеялся Андрей. – Это я тебе обещаю. Да и что может со мной случиться, пока у меня есть такой помощник... Заканчивай с игрой и в постель. Завтра с утра тебе придется поработать в паре с Марьяном...

Глава 5

Мурлыкая себе под нос какую-то въедливую мелодию, Егор поспешно перемещался по кухне. До десяти оставалось две минуты. Вообще-то Родион и сам опаздывал к назначенному им же самим завтраку: в ванной еще вовсю лилась вода. Но одно дело, когда босс задержался в душе, и совсем другое дело, когда завтрак не готов к установленному сроку. Различие двух этих ситуаций Егор пару раз испытал на себе, и ему не очень хотелось портить такое славное утро.

Когда перец и помидоры немного потушились в собственном соку, а сам сок полностью испарился, Егор вылил на сковородку три разболтанных яйца и перемешал все деревянной палочкой. Заранее открытая баночка с консервированной сладкой кукурузой стояла под рукой, и ее содержимое сразу же оказалось на верху разноцветного месива. Замешивать кукурузу Егор стал уже после того, как нижний слой прожарился. Получалось нечто вроде яичной пиццы: овощная смесь на подошве из жидковатой яичницы... Егор торопливо бросил наверх две пригоршни мелко нарубленной свежей зелени, выключил огонь под сковородкой и в тот момент, когда месиво начало парить, прикрыл все высоким пластиковым колпаком. Сие произведение кулинарного авангарда и было той самой знаменитой яичницей, которую Родион заказал к завтраку.

Сам великий гурман когда-то в юные годы тоже был не прочь что-нибудь этакое сварганить на сковородке. Но от тех сравнительно недавних лет у Родиона осталось лишь умение лишь вскипятить чайник и нарезать хлеб. А в последнее время фокусник и этим-то занимался крайне неохотно, оставив за собой лишь обязанности по приему пищи. Не царское это дело – утруждать себя кухней. Но Егор знал, что все кулинарные тонкости при приготовлении любимых блюд босса нужно соблюдать свято, иначе можно и премиальных лишиться.

Поскольку плеск воды не прекращался, Егор решительно повесил на шею кухонное полотенце и направился в коридор. Остановившись перед дверью ванной, Егор постучал:

– Эй, босс! Ты там не утоп часом?

– Отстань, – глухо буркнул Родион.

– Завтрак остынет, – пояснил Егор.

– Слушай, иди к черту! – раздраженно отозвался брат.

Егор вздохнул, пожал плечами и пошел назад.

Заверещала лежащая на подоконнике телефонная трубка.

В это субботнее утро у Егора не было запланировано никаких дел, а ребята из команды никогда по выходным не беспокоили раньше полудня. Поэтому при одной мысли о том, что предприимчивые проныры в который уже раз рассекретили номер братьев Березиных, у Егора испортилось настроение. Сколько можно менять номер? В последнее время это приходилось делать особенно часто. Популярность иногда выходила боком.

Егор шагнул к подоконнику, взял трубку.

– Да? – буркнул он.

– А... – замялся приятный девичий голосок. – А будьте добры Егора!

– Юлька, ты что ли? – изумился Егор, с тревогой метнув взгляд в коридор. Он не мог разобрать отсюда, льется ли еще вода в ванной.

– Конечно, я, – весело отозвалась девушка. – Кто же еще?

– Да мало ли кто! – зловещим шепотом произнес Егор. – Что тебе надо от меня?

– Фу, Егорка, ты что, не с той ноги встал? – обиженно спросила Юлька.

– Здравсьте! Ты же сама позавчера сказала, что знать меня больше не желаешь!

– Ну сказала... – вздохнула Юлька. – Я знать не желаю твою вечную суету, твои поспешные "привет-пока" и придирки твоего братца... Я к тебе хочу! Я соскучилась!

Егор слушал и блаженно улыбался, представляя, что со стороны выглядит полным идиотом.

– Ты слышишь, Егорка? Я хочу к тебе!

– Юлька, котенок... – у Егора даже руки опустились. Он присел на табурет и тяжело вздохнул в трубку. – Я сейчас не могу.

– Ах, вот как, значит?! – прошипел котенок.

– Юлька, ну я же тебе объяснял!.. – Егор попробовал рассердиться, но представил себе презрительно поджатые упрямые губки и засмеялся. – Юлька, ты невыносима! Ну ты же знаешь, у меня только в среду будет полдня свободных!

– Целых полдня? С ума сойти! Счастливчик! – язвительно фыркнула девушка. – У всех нормальных людей сегодня выходной!

– Я занят, Юленька!

– Занят? Подумать только... Боссу пятки чешешь?

– Завтрак я готовлю, – хмуро пояснил Егор.

– Все обхаживаешь своего ненаглядного деспота? С ложечки кормишь?

– Юлька, прекрати! – угрожающе зашипел Егор.

– Прекращаю. Я, между прочим, внизу, напротив твоей подворотни. И если через десять минут ты не появишься, я поднимусь за тобой сама! – отрезала Юлька.

Егор медленно положил телефон на место и посидел немного, досадуя на то, что не может сию же секунду все бросить и удрать из дома, как это делают все нормальные влюбленные. И он снова поймал себя на том, что глупая улыбка не сходит с его лица. Удачно, что Родион не видит его счастливой физиономии.

Егор готов был признаться первому встречному, готов был кричать на каждом перекрестке о том, что уже выйдя из нежного возраста, впервые втрескался по-настоящему. До слез, до поросычьего визга, до бессонницы влюбился, как школьник, в пару карих глазок, пару длинных ножек и заодно в их хозяйку. Девчонка свалилась на его голову неожиданно и стала единственным светом в окошке.

Прочих просветов давно уже не было и в скором будущем не предвиделось.

Несколько лет тому назад, когда телекинетик Родион Березин стал постепенно завоевывать свою нишу на ниве свободного предпринимательства, когда рекой потекли совершенно шальные по обывательским меркам деньги, отношения между братьями за какой-то год не то чтобы испортились, но совершенно изменились. Нынче каждый из них знал свою партию в дуэте: Родион работает и зарабатывает, а Егор создает ему для этого условия.

Жизнь Березиных была расписана от и до, подчинена беспокойному, рваному, неумолимому ритму. Но в положении братьев Егор усматривал существенную разницу: уделом Родиона стало с удовольствием пользоваться создаваемыми ему условиями, а у Егора голова трещала с подъема и до отбоя от таких проблем, о которых несколько лет назад он не имел никакого понятия.

Карабкаться к вершинам оказалось для Родиона делом необременительным: его необъяснимый дар с годами только развивался, и Егор с удовольствием наблюдал за удивительными проделками брата и его успехом. Между тем у братьев появились немалые, порой странные и весьма капиталоемкие запросы. И эти запросы они привыкли удовлетворять, не перенапрягаясь. Казалось, жить бы да радоваться.

И сначала Егор не ощущал никакого дискомфорта: трудности скрашивались новизной положения, прелестями популярности и резко возросшим достатком. Но оказалось, что новизна слишком недолговечна, чтобы отвлечь и утешить.

Теперь все стало привычным. Мало того, образ жизни затянул Егора если не на сто процентов, то на три четверти как минимум. К тому же в последнее время кровное родство с русским Копперфильдом стало доставлять Егору все больше заморочек. Свое удовольствие или неудовольствие, а второе для него было более характерно, Родион никогда не пытался ни подавить, ни скрыть, и что греха таить, имел обыкновение поизмываться над людьми.

И постепенно Егор почувствовал, что жить с братом под одной крышей уже не так вольготно и здорово, как это было поначалу, когда Березины только обосновались в Питере. То, что Егор добровольно посвятил себя роли лакея, Родион воспринимал, как нечто совершенно естественное, и все чаще обращался с Егором, словно с нерадивым плебеем, крепостным, которого разве что насмерть прибить нельзя, а помимо того – все, что угодно.

Конечно, и на прожженных хамов иногда находят благостные минуты. Иногда Родион просил извинения, но увы... Чаше всего он этого не делал.

Раздраженная требовательность босса, ребячьи капризы, хамские срывы следовали один за другим. Родион иногда не видел различия между Егором и прочими наемными работниками.

Егор обижался. Бывало, что целыми днями у него все валялось из рук после очередной выволочки, полученной от босса, но не станешь же жаловаться, что тебе неуютно рядом с собственным братом...

У Егора почти не оставалось времени на то, чтобы завести себе подружку, чтобы пойти развлечься, оттянуться где-нибудь на стороне, чтобы наконец просто-напросто надраться и расслабиться. Нужно было или заниматься хозяйством, или сопровождать брата, или мотаться по его индивидуальным поручениям, подставляя свою задницу закройщику для снятия мерок на новый костюм для босса или подписывая очередной контракт на публичные сеансы.

Короче говоря, хлопотливая должность брата популярной личности приелась Егору окончательно.

Юлька появилась на горизонте, как тайфун, и он впустил ее в свою жизнь с восторгом, не заботясь о последствиях.

Все началось в большом супермаркете, где Егор регулярно закупал продукты. Методично продвигаясь вдоль рядов стеллажей, Егор сметал в тележку коробки с полуфабрикатами, расфасованные фрукты, какие-то банки с соусами, упаковки с паштетами и пластиковые бутылки...

Шататься по магазинам Егор не любил и обычно старался производить "шопинг" на западный манер: один раз в неделю он покупал много и впрок. Набор покупок был довольно стандартным. Поэтому Егор оказался в недоумении, когда, встав в очередь к кассе, обнаружил в своей корзинке большую пачку какого-то гнусного печенья в шоколаде. Он готов был поклясться, что сам он этого ни в коем случае не брал. Но пачка была в самой середине тележки, и отказываться от нее, уже стоя у кассы, было как-то не солидно. Поэтому Егор просто смолчал, когда кассирша сноровисто перекидала всю его кучу из одной тележки в другую, пробила целое полотенце, включив в него и левое печенье, которое Егор ни за

что не стал бы есть по доброй воле.

Выехав со своей тележкой к выходу, Егор отошел в сторонку, достал из кармана свернутый в трубочку баул и, развернув его, принялся укладывать, продолжая соображать, как попало к нему в тележку печенье, и не стоит ли бросить его в ближайшую корзину для мусора, которая стояла в двух шагах. Пачка лежала на краю парапета и ждала своей участи, как вдруг рядом с Егором замелькала невысокая фигурка. Какая-то юная особа женского пола прошла мимо Егора туда-сюда, задев его зажатым под мышкой французским батоном, и через какую-то секунду уже пошла прочь, прихватив с собой печенье.

Наверное, они позабавили бы немало народа, если бы Егор затеял скандал. Но он просто остановил ее и вежливо потребовал объяснений.

Девчонка оказалась не такой уж нахальной. Она смутилась и, похоже, испугалась. Прожженной мошенницей она никак не выглядела, и поэтому дело закончилось тем, что через некоторое время они вдвоем сидели в автомобиле Егора, жевали то самое печенье, и Егор слушал о том, как его новая знакомая, назвавшаяся Юлькой, добывает себе средства к существованию.

По ее словам, так и не сумев протянуть все пять лет в институте, она бросила учебу, снимала жилье где-то в пригороде, перебивалась случайными заработками и порой прибегала к нестандартным способам полакомиться. Засунуть приглянувшийся товар в доверху наполненную тележку какого-нибудь жирного гуся, вроде того, каким ей показался Егор, а потом встретить его уже после расчетного узла и исподтишка увести лакомство из-под чужого носа – это было ее излюбленным приемом.

Егор веселился от души, слушая забавный рассказ неунывающей пройдохи. Он поверил ей во всем, кроме одного. Глаза девушки, большие, сочные, жадно оглядывали самого Егора, салон его машины, пакеты и коробки, торчащие из баула, и вдруг совершенно без всякой причины на какое-то время становились тоскливыми и скорбными, и Егор решил, что неунывающая Юлька не настолько довольна жизнью вольного корсара, как пытается это представить. В голосе девушки сквозила досада и зависть к тем жлобам, которые ездят в этой машине, лопают эти продукты и носят такие дорогие фирменные шмотки.

Никогда людская зависть не вызывала у Егора сочувствия, но тогда сердце его дрогнуло по необъяснимой причине. И с тех пор вот уже почти месяц, как вокруг братьев Березиных крутился этот тайфун по имени Юлька.

Родион действительно был затворником и не терпел в доме никаких посторонних. В первый раз он просто выставил непрошенную гостью прочь. Во второй раз, когда Егор вопреки запрету вновь привел Юльку в дом, Родион демонстративно ушел сам. А в третий он угрюмо пригласил Юльку к ужину, а потом ни слова не сказал, когда она на следующее утро появилась к завтраку, выпорхнув из комнаты Егора в его небрежно запахнутой полосатой сорочке вместо халатика.

Видимо, Родион представлял, что с любовью шутки плохи. Он смирился и лишь слегка ворчал.

Но Егор рано праздновал свою победу над привычками брата.

Позавчера после внезапно вспыхнувшей перепалки, Родион прогнал Юльку, бросая ей вдогонку множество самых обидных обвинений. Юлька за словом в карман не лезла, и в свою очередь обласкав Родиона, гордо удалилась. Егор не решился принять ничью сторону, потому что, по правде сказать, оба спорщика были хороши... Разгоревшуюся свару унять не удалось, Егор винил себя в этом и просто надеялся, что все само вернется на свои места. Ему казалось, что он достаточно узнал Юльку, чтобы быть уверенным: она вскоре бросит дуться и объявится на горизонте снова.

Вот она, наконец, объявилась. Довольно быстро и, увы, не совсем вовремя. И все же Егор был невероятно рад этому. В отличие от Родиона он готов был простить подружке все выходки, лишь бы ее глаза пореже гасли и не становились неожиданно такими безнадежно горестными.

Наконец, открылась дверь ванной, и Родион прошел на кухню. Его мокрые волосы были гладко зачесаны назад, длинная клетчатая рубашка осталась навывпуск. Милый, кроткий домашний вид.

– Кормиться пришел, – печально сообщил Родион. Остановившись, он потянул носом и кивнул: – Узнаю знакомый запах...

Он сел за столик и взглянул на сковородку под колпаком.

– Все думаю, хорошо бы такой фокус организовать, чтобы вареники сами в рот прыгали и при этом мимо не пролетали... – проговорил Родион. – Может, на яичнице поупражняться?

– Я не для того старался, чтобы ты по всей кухне насвинячил!

Родион старательно изобразил полное смирение и развел руками:

– Договорились. Эксперименты после...

Егор поддел яичницу лопаточкой, с виртуозной ловкостью переложил ее на широкую тарелку и поставил перед Родионом.

– Симпатично выглядит... – проговорил Родион, придирчиво разглядывая яично-овощной торт. – Присоединяйся!

– Я уже ел, – сказал Егор и замолчал, соображая, как бы поаккуратнее исчезнуть из дома.

Родион отделил от края кусочек и принялся за еду. Он рассеянно смотрел прямо перед собой, за окно, но, судя по всему, ничего там не видел, ни прозрачного октябрьского неба, ни аккуратных маленьких облачков. Угрюмо уставившись в никуда, Родион жевал без всякого видимого аппетита...

– Ты что такой мрачный? – осведомился Егор. Когда его стряпню поглощали с таким отсутствующим видом, Егор начинал тихо ненавидеть едока.

– Знаешь, я вчера вечером думал, что нырну в постель, и мгновенно усну, такой я был разбитый, – нехотя пояснил Родион. – А на деле провалялся всю ночь, глаз не сомкнул.

– Из-за вчерашнего сборища, не иначе, – утвердительно заметил Егор.

– Скорее всего... – согласился Родион.

– В крайнем случае можно будет уехать в провинцию, там обосноваться и послать их всех подальше с их столичными амбициями, как считаешь? – с надеждой уточнил Егор.

– Да с чего мне от них бегать? – нахмурился Родион.

– Подчиняясь инстинкту самосохранения!

– Ты опять о своем, Егорка! – недовольно поморщился Родион.

– Да ну тебя, в самом деле! Хочешь – воюй хоть со всем миром, если больше заняться нечем! – с досадой отмахнулся Егор.

– Вот именно, – подтвердил Родион. – Чем мне еще заниматься?

А время шло, и десять минут, отведенные Юлькой, истекали.

– Родька, – спохватился Егор. – Поскольку у нас с тобой сегодня ничего не запланировано, я беру до вечера выходной!

Родион сидел, наклонившись к тарелке. Он медленно выпрямился и с недоумением взглянул на Егора. Его ноздри вдруг побелели, потом он как бы равнодушно отвернулся и отделил очередной кусочек от яичницы. Положив его в рот и немного пожевав, Родион задумчиво протянул:

– Да-а, симпатично и на вкус недурственно.

– Родион!

– А? – отозвался тот, старательно пережевывая очередной кусок.

– Я не слышу ответа!

– А я не слышал вопроса! – вдруг со злостью сообщил Родион. – Ты разве меня о чем-то спрашивал? Ты ставишь меня перед фактом, так зачем тебе мой ответ?

– Я хочу взять выходной! – спокойно сказал Егор.

– Да ну? Только еще хочешь? А мне послышалось, что уже берешь.

– Нечего к словам придирааться! В конце концов я не твой раб! – возмутился Егор. – У меня появились дела!

– Это когда же они успели появиться? – холодно уточнил Родион, не прекращая тем не менее есть. – За те десять минут, пока я мылся?

– Ну какая разница, Родька?! – буркнул Егор, бросая взгляд на часы.

– Прекрасно. Зачем тебе тогда мое согласие? Свободен. Скатертью дорога, – сухо ответил Родион.

Егор повернулся и почти бегом устремился в свою комнату. Там он сбросил домашний свитер и старые линялые джинсы, заляпанные на бедрах брызгами жира и соусов, натянул что-то модное и приличное и побежал на выход, на ходу хватая с журнального столика бумажник и ключи от машины. Десять минут прошли.

Он уже всовывал ноги в кроссовки, когда раздался звонок в дверь.

Юлька стояла на площадке, прислонившись к перилам, и с укоризненным прищуром взглянула на Егора.

– Не уложился, – строго констатировала она. – С тебя штрафные.

– Юлька, я мигом! Только кроссовки надену! – скороговоркой произнес Егор, и уже хотел прикрыть дверь, когда Юлька звонко вскрикнула:

– Ну ничего ж себе! Ты что, джентльмен, оставишь меня на лестнице?!

Проклиная все на свете, Егор раскрыл дверь снова, и Юлька просочилась в прихожую. Егор присел, завязывая шнурки. Он торопился, но на правой кроссовке как назло затянулся "мертвый" узел.

– Вот черт! – ругнулся Егор.

– Не спеши, – отозвалась Юлька. – Я пока отдышусь.

Она встала у стены, сунув руки в карманы короткого и широкого пальто в крупную клетку. На ее длинных темно-каштановых волосах красовался черный колпачок с длинной кисточкой на конце и ярко-желтым знаком радиационной опасности на лбу... При первой встрече Егор был удивлен такому наряду, все-таки девушке давно уж не пятнадцать лет, но потом он понял, насколько верно эта шапочка отражает Юлькину натуру. Этаким огнеопасный чертенок.

– Сейчас, Юлька, сейчас... – бормотал Егор, вцепившись ногтями в проклятый шнурок.

– Ну что, покормил босса? И как ты один со всем справляешься, бедный?.. А этот твой волшебник что делает? На печи лежит?

– По большей части, – нехотя отозвался Егор. – У нас с ним разделение труда.

– Вот садист! – покачала головой Юлька. – Все на тебя взвалил.

– Да тише ты! – взмолился Егор. – Он же дома!

– А ты что, его боишься? – Юлька сдернула шапочку, сунула ее в необъятный карман и принялась расстегивать пальто. – Ты уже готов? Очень жаль. Я передумала ехать за город. Хочу покоя, комфорта и твоих теплых рук. Лучше мы с тобой посидим дома, музыку послушаем, потанцуем, ну и далее по самой полной программе... Раздевайся!

– Юленька... – Егор готов был броситься ей в ноги. – Поедем куда-нибудь, а? В парк, на ярмарку, в ресторан... Да хоть в сауну к нудистам, только не надо тут оставаться!

– Пожа-а-аловал... – вздохнула Юлька, глядя поверх плеча Егора.

Егор обернулся. Родион стоял, прислонясь плечом к стене, и с мрачным интересом смотрел на девушку.

– Так-так-так, – холодно проговорил Родион. – Завидное упорство... Какого черта она опять здесь?!

Егор умоляюще взглянул на брата, но тот сделал вид, что не замечает этого взгляда.

Юлька, не дождавшись, пока кто-нибудь из мужчин за ней поухаживает, сама повесила пальто на вешалку, повернулась к Родиону и взглянула на него в упор.

Родион повел плечом, и Егор испугался, что и Юлька сейчас падет жертвой какой-нибудь злой проделки брата. Но Родион только насупился и, сложив руки на груди, принялся изучать девушку. Кисло скривившись, он медленно измерил девчонку взглядом, оглядел тонкие длинные ноги в бежевых колготках и черных чулках по колено, обутые в тяжелые на вид ботинки на высокой платформе, коротенькую расклешенную юбчонку и трикотажный бадлон, обтягивающий высокую грудь.

– Впечатляет, – кивнул Родион. – И в принципе я тебя, Егорка, понимаю. Я старался не обращать внимания на твое безумие, но все же говорю тебе определенно: этой особы не должно больше быть в моем доме!

Юлька, не торопясь, огладила юбочку перед зеркалом и проворковала:

– Ты не задерживайся тут, Егорушка, я тебя жду.

Она повернулась к Родиону, загораживающему ей проход в коридор, и повелительно приказала:

– Посторонитесь-ка, господин Березин!

Родион хмыкнул и не шевельнулся.

Не успел Егор и глазом моргнуть, как Юлька ткнулась кулачками в плечи Родиона и толкнула, пытаясь сдвинуть его с дороги. Но Родион, который обычно в таких ситуациях поспешно отходил в сторону, неожиданно уперся.

Он напрягся и сжал кулаки. Лицо его слегка покраснело, и Егор мгновенно понял, что брату больно. Однако еще несколько секунд Родион сопротивлялся Юлькиному напору, и Юлька, презрительно фыркнув, отпустила его, протиснувшись стороной и юркнула в комнату Егора, оставив братьев в прихожей.

– Ты нарочно делаешь все мне назло, – с трудом выговорил Родион.

– Я что, не имею право привести девушку? – удивился Егор.

– Я не об этом.

– Что, крепко схватила? – забеспокоился Егор.

С отрешенным видом Родион закатал левый рукав рубашки. На руке выше локтя уже чернел страшный кровоподтек, словно Родион совсем недавно подставился под удар железного прута. А ведь Юлька всего только несильно толкала его...

– Ох, вот это да... – ужаснулся Егор, протягивая руку.

– Оставь, – скривился Родион, опуская рукав. – Плевать...

– Извини, босс! Не досмотрел... – искренне взмолился Егор.

– Какая теперь разница? – буркнул Родион. – Развлекайтесь. Я уйду.

– Не уверен, что это хорошая идея!

– Это отличная идея. Хуже будет, Егорушка, если я ненароком слышу скрип пружин твоего дивана, – серьезно проговорил Родион. – Отреагирую так, как тебе и в страшном сне не приснится.

– Прекрати издеваться! – возмутился Егор.

– Побойся Бога, Страж, – грустно усмехнулся Родион. – Это же вы оба надо мной издеваетесь, неужели не понятно?

Потирая ушибы, Родион удалился к себе. И Егор в который раз уже почувствовал себя со всех сторон виноватым.

Расставаться со своей пассивностью в угоду брату Егор ни в коем случае не хотел. Но сейчас, увидев поникшие плечи Родиона, Егор вдруг понял, насколько жестоко демонстрировать перед братом свой удачный роман с шустрой красавицей.

Расстроенный Егор направился в свою комнату.

Юлька уже успела включить музыкальный комбайн и теперь развалилась на диване, лежа на животе и болтая ногами в такт музыке.

– Ну зачем, зачем тебе понадобилось дразнить его?! – закричал Егор, сдвигая девушку и освобождая место для себя.

Прижатая к спинке дивана, Юлька игриво взвизгнула, но Егор не собирался устраивать возню.

– Ты же знала, что он зол на тебя, так неужели тебе трудно было подождать меня внизу?! – рассердился Егор.

– Меня не очень волнует, что он обо мне думает, – серьезно сказала она. – Неврастеник ненормальный...

– Не смей больше ему хамить! – приказал Егор.

– Вот еще! Он у тебя такой ранимый? – Юлька скривилась, но взглядевшись в лицо Егора, поспешно пообещала: – Хорошо, впредь я буду повежливее.

Она откинулась назад, призывно глядя на Егора, но он все еще был на взводе и поэтому с досадой отвернулся, успокаиваясь.

Юлька оглядела комнату и уверенно сказала:

– Знаешь, твой брат прав, что гонит меня. Когда я смотрю на такую роскошь, мне начинает казаться, что я на все готова, чтобы здесь поселиться. Я согласна даже родить от тебя.

– Смелая ты женщина, – заметил Егор в ответ на ее полный алчности намек. – Но я слишком порядочный человек, чтобы позволить тебе свалить дурочку. Ты же знаешь, все не мое. Эта квартира принадлежит брату, и все прочее тоже.

– И ты сам, похоже, тоже ему принадлежишь, – презрительно фыркнула Юлька. – Быть уборщицей и кухаркой у знаменитого брата, терпеть его издевательства... И все ради его вшивых денег?

– Мне не нужны его деньги, – серьезно сказал Егор. – Но он сам так постановил: поскольку все, что я для него делаю, не оставляет мне почти никакого свободного времени, чтобы зарабатывать где-то еще, он платит мне столько, сколько считает нужным... И если честно, вряд ли я нашел бы такие отличные деньги где-то в другом месте.

– Может, ты ему и колыбельные поешь?

– Бывает, – уклончиво усмехнулся Егор.

– И после всего этого еще и женщину не приведи?! – укоризненно сказала она, качая головой. – Безобразие! Ездит на тебе, и ножки свесил, а ты его защищаешь!

В прихожей захлопнулась входная дверь.

– Действительно ушел... – озадаченно проговорил Егор.

– Ничего. Пусть проветрится, – отмахнулась Юлька.

– Да нельзя ему уходить одному, – встревожился Егор.

– Ну конечно. "Забодают его зайцы, злые мухи загрызут..." Мне уже кажется, Егор, что я влюбилась в параноика! – Юлька не на шутку разгорячилась. – Неужели ты всю жизнь будешь на него пахать и дрожать за каждый его шаг?! Ты даже не параноик, ты просто-напросто холуй!

Возможно, пару лет назад, такие горячие слова оставили бы Егора равнодушным, но сейчас неприятное словечко обожгло словно пощечиной. Однако терять хладнокровие ему не хотелось, и он твердо возразил:

– Я не холуй, Юлька. Я – Страж.

– Ба-атюшки! Да таких стражей – рубль за ведро! По барам шатаются, работу ищут... – пожала плечами Юлька.

– Ты не понимаешь... – нетерпеливо начал Егор.

– И понимать не хочу!.. Надоело спорить! – неожиданно заявила Юлька, прищурившись. – И вообще, я пришла сюда не о нем разговаривать! Я думала, ты меня хоть поцелуешь прежде, чем читать нотации о том, как мне вести себя с откровенными хамами!.. Обними-ка меня!

Но Егора теперь было не купить ни глазищами, что вспыхнули вдруг натуральным голодным блеском, ни нежным голосом.

Он понял, что еще одно Юлькино слово, сказанное в том же тоне, и он либо отвесит ей пощечину, чего в принципе никогда себе не позволял в отношениях с женщинами, либо выставит ее на лестницу, чего ранее ему тоже делать не приходилось.

Юлька внимательно смотрела на Егора и вдруг изменилась в лице:

– Я дурочка, да? Чушь несу? Ты обиделся на меня?

Она приподнялась на диване и бросилась Егору на шею.

– Ну прости, прости... – ее руки торопливо теребили волосы и плечи Егора. – Я постараюсь быть паинькой, чтобы тебе не было за меня стыдно. Помири нас, и я постараюсь больше его не злить, если уж для тебя это так важно...

Егор невольно улыбнулся, поцеловал ее в висок и проговорил:

– Да, Юля, для меня это важно. И еще, пожалуйста... Не трогай его.

– То есть?

– Ну... Руками к нему не прикасайся... – смутился Егор.

– Это такая шутка? – хмыкнула Юлька.

– Это очень серьезно.

– Он что, ледяной или сахарный?

Егор покачал головой и ответил так, как ему казалось самым доходчивым:

– Видишь ли, это все из-за того дикого случая в детстве... Так сказать, сопутствующее обстоятельство... Когда его трогают чужие руки, ему бывает очень больно. А так получилось, что все руки, кроме моих, для него чужие. Ему очень трудно, понимаешь?

– Бро-о-ось... – Юлька изумленно раскрыла карие глазищи. – Да врет он, наверняка. Цену себе набивает.

– У него на теле много следов: ушибы, ожоги... Я видел, как они появляются, я много раз лечил их. Поэтому я всегда бываю с Родионом, чтобы по возможности уберечь от чужих прикосновений, – пояснил Егор.

– Так ведь он голышом-то на людях небось не ходит... – задумалась Юлька. – Разве через одежду он тоже что-то чувствует?

– Не сразу и не так остро, но чувствует, – пояснил Егор. – Ты бы видела, какие синячищи ты ему только что поставила.

– Но так же не бывает!

– Бывает. Самовнушение такое. Больная фантазия, давний страх... И он с этим живет.

– Тебе не потакать ему надо, а лечить!

– Я просто стараюсь его беречь, – вздохнул Егор.

Юлька надолго замолчала, обдумывая новость. Ее лицо стало серьезным.

– Так получается, он и с женщинами вообще не?.. – начала Юлька.

– Вообще не, – подтвердил Егор.

– Бедняга...

С этим Егор был полностью согласен.

– Боже мой, ужас какой, – Юлька аж передернулась, вздохнула и покачала головой. – Кажется, я вполне прониклась чувством вины. Когда будет удобно, можешь отвести меня к нему. Я извинюсь.

Она сидела серьезная и печальная. Она была рядом, и ее можно было одернуть, отругать, пристыдить, великодушно простить, расцеловать и завалить в постель. И если половиной этих возможностей Егор уже воспользовался, на остальное его как-то не тянуло. Ничего сегодня с утра не клеилось. Впрочем, нет, не с утра, а со вчерашнего вечера... Дернул же Родьку черт ввязаться в разборки с Гильдией!

Егор просто изнывал от нелепости своего положения. Взрослый мужик сидит на диване с красивой женщиной, у которой так призывно блестят влажные глазищи, а думает о том, что его братец сбежал из дома и бродит где-то по улицам, грозя влипнуть в какую-нибудь историю, о том, что нужно бы разыскать его и привести домой... Это все обязанности Стража, будь они прокляты! И будь проклят Родион с его вечными приключениями, с его вздорным снобизмом и капризами!

– Как же я устал... – пробормотал Егор, утыкаясь лицом в ладони.

Время обеда давно миновало, и Родион, пройдя центр города вдоль и поперек, проголодался всерьез.

Проверив карманы на предмет завалявшейся наличности, Родион с грустью понял, что сегодня он беднее церковной мыши. Средства на текущие расходы обычно обитали в карманах Стража, и Родион, так необдуманно выскочив из дома, лишил себя даже мало-мальски приличного гамбургера.

Оставалось слегка заморить червячка мороженым. И Родион свернул к первой встречной тележке с чуть подмерзшей продавщицей.

– Пожалуйста... – Родион пробежался взглядом по криво начертанному длинному преysкуранту и положил деньги на крышку тележки:

– Сахарную трубочку!

Девушка взяла купюры, долго ковырялась в поясной сумке в поисках сдачи, потом два раза пересчитала мелочь, перекладывая ее туда-сюда, затем пододвинула деньги к Родиону.

На вид ей было не больше двадцати лет, и судя по тому, как она усердно шевелила губами, пересчитывая сдачу, по разнокалиберным ногтям с наполовину облупившимся зеленым лаком, по торчащей из кармана пачке паршивых сигарет, симпатичная продавщица лет через десять должна была превратиться в типичную потомственную торговку, вульгарную, толстую рыночную тетку.

Родиону было начихать, в кого или во что превратится девушка с тележкой мороженого. Свои злые прогнозы он сочинял просто от скуки, и был уверен, что не ошибается.

Отойдя на порядочное расстояние, он присел на край длинной скамьи, на противоположном конце которой солидных габаритов молодая мамаша читала книгу и сторожила коляску с младенцем.

Родион вскрыл обертку с трубочкой, оглядел мороженое со всех сторон и с предвкушением наслаждения торжественно откусил глазированный краешек.

Народу в сквере было достаточно, но Родион чувствовал себя спокойно. После размолвок с братом в его душе всегда начинал проказы бес противоречия. Егор не пожелал быть сегодня при своем боссе? Что ж, сами обойдемся. А если все же придется снова немного попортить шкурку, так пусть нерадивого Стража замучает совесть.

Рядом в коляске заверещал младенец. Наверное он был еще совсем мал, потому что это был еще даже не плач, а хрюканье. Мамаша отложила на скамью свое чтиво и усиленно затрясла коляску. Ребенок продолжал надрываться. Мамаша расстроилась, поднялась со скамьи, отклячив необъятную задницу, сунулась туда, откуда, как кочерыжка из капустных листьев, из кучи одеял торчал носик.

– Что ты? Что ты?.. Аа-а... Аа-а... – коляска заходила ходуном, так отчаянно мать пыталась утрясти малыша.

Родион скосил глаза. На скамейке лежал любовный роман в тонкой обложке. Обложка была скручена чуть ли не в трубочку. Пусть дрянное чтиво, пусть доброго слова не стоит, но зачем же в трубочку крутить? Книжка все-таки... Неприязнь к толстухе только усилилась. Неудивительно, что у такой мамы ребенок никак не может успокоиться...

Родион с неохотой встал и пошел прочь, пока его не потянуло сказать нерадивой мамаше все, что он о ней думает.

Он уже давно понял особенности своей проклятой натуры. Быть противным зажавшимся злыднем было приятно. Энергетический вампиризм спасал Родиона. Ему было совсем не жаль тех, на кого приходилось выплескивать свое напряжение.

Сахарная трубочка благополучно растаяла в желудке. Родион, засунув озябшие руки в глубокие карманы пальто, шагал по бульвару. Ему было хорошо. Проблемы должны были начаться чуть позже, когда вечером Страж заведет свои чертовы благоразумные проповеди, когда в воскресенье вечером придется отработать по полной программе два часа в концертном зале...

Родион свернул к Неве, подошел к самому парапету, остановился, отрешенно глядя на воду. Ему стало по-настоящему здорово. Он редко имел сладостную

возможность побыть совершенно одному на этом свете. Честное слово, ради этого стоило удирать из дома и портить нервы заботливому Стражу.

– Добрый день! – послышался совсем рядом смутно знакомый голос.

Родион повернул голову.

Рядом стоял странный молодой человек в нелепой шляпе и несусветном пальто цвета хаки. Худущий, большеротый, с редкой козлиной бородкой и постно-кислым выражением на осунувшемся лице...

Со своей зрительной памятью Родион был несколько не в ладах. Раз увидев человека, Родион запоминал его, иногда даже мог восстановить весь облик по случайно запавшей в память детали, мог даже вызвать у себя четкий зрительный образ. Но вот что всегда припоминалось с трудом, так это то, где именно и при каких обстоятельствах встречал Родион того или иного человека.

Этого козлобородого человечка Родион, несомненно, видел совсем недавно.

– Здравствуйте, – повторил козлобородый. Несмотря на огромный, от уха до уха рот, он говорил, почти не разжимая губ: раскрывалась лишь узкая щелочка, открывающая два крупных передних зуба. Выглядело это даже не смешно, а скорее противно.

Родион церемонно кивнул:

– Не имею чести.

– Вы забыли меня, Родион! – козлобородый сначала плотно сжал губы, а потом растянул их в резиновую ниточку. – Вчера вечером я подавал вам и вашему брату стулья.

Родион едва удержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу. Ну конечно! Та самая бледная немочь в светлом костюме, исполнявшая на Совете роль лакея.

– Припоминаю, – пожал плечами Родион.

– Ну и отлично, – кивнул козлобородый. – Может быть вы припомните еще и то, что меня зовут Марьян.

На это Родион промолчал. Как только имя прозвучало, он хорошо представил себе, с кем имеет дело. Практически не сталкиваясь с козлобородым лично, Родион кое-что о нем слышал. Реклама услуг Белого Марьяна регулярно помещалась на последних страницах еженедельных купи-продаек. Кажется, козлобородый слыл мастером по изменению какой-то там полярности с отрицательной на положительную, улучшению энергетики жилищ, коррекции биополя и настройке на успех в делах. За что и был пожалован труднопроизносимым и малопонятным титулом. Несомненно, знакомство с такой персоной могло бы стать честью для простого смертного.

Сегодня Белый Марьян почему-то не надел белого. В скучном пальтеце и темной шляпе с полями козлобородый чем-то напоминал добропорядочного дьячка и создавал впечатление человека с приветом. И впечатление наверняка не было обманчивым: такому-сякому магистру такой-разэтакой магии надлежало быть с приветом уже по определению.

Марьян помолчал, потом внимательно огляделся.

– Вы здесь один? – спросил он несколько удивленно.

– Ну и что с того? – с неприязнью уточнил Родион.

– Вашего брата нет поблизости? Или кого-нибудь из охраны?

– Послушайте, какое вам до всего этого дело?! – рассердился Родион.

– Вы один, я правильно понял? Тогда вам стоит вернуться домой, – торопливо проговорил козлобородый и почти вплотную придвинулся к Родиону.

Родион едва удержался, чтобы не отпрянуть в сторону.

– Вы слышите меня? – озабоченно повторил козлобородый.

– А вы не догадываетесь, что мне хочется с вами сделать? – процедил Родион, досадуя больше на то, что его уединение нарушено, нежели на странное требование Марьяна. – Какого черта вы ко мне лезете? Я вас в свою охрану не нанимал!

– Не надо желчи, Родион. Просто послушайтесь совета: исчезните с открытого пространства, и поскорее. Вернитесь домой.

– Вы что, бредите? – Родион действительно был удивлен.

– Вам угрожает серьезная опасность. Вы разумный человек, и я уверен, вы еще можете уберечь себя...

– Да ну? – усмехнулся Родион. – И от кого же исходит эта серьезная опасность?

– Скажем так: кое-кому по-крупному приелись вы и ваши фокусы.

– Ах, вот вы о чем... – отмахнулся Родион. – Нет, чтобы сразу сказать: Березин, старина Кошарский имеет на тебя зуб. А я бы вам ответил: сам знаю. Все ваше заведение крайне забавно. И вы очень забавны, Марьян. Но я всегда развлекаюсь в одиночестве. Оставьте меня с вашими предостережениями, не мешайте наслаждаться жизнью.

– Я так и знал, что вы попытаетесь отшутиться... Но не притворяйтесь, что не поняли меня!.. – настойчиво проговорил Марьян.

– Я вас понял. Что еще? Или у вас такая тактика – досаждать всякой чепухой, пока я не выйду из себя? Не дождетесь.

Марьян переместился чуть в сторону и попытался заглянуть Родиону в лицо. Когда Родион все же снисходительно покосился на Марьяна, тот приглушенно и доверительно сообщил:

– Может быть, вам трудно это представить, но, к вашему сведению, я тоже не шарлатан, и у меня тоже есть основание гордиться кое-какими умениями.

– Что вы говорите? – усмехнулся Родион. Он уже пожалел, что так сгоряча сорвался из дома. Избавился от одного раздражающего фактора – нарвался на другой, не менее противный козлобородый фактор. – Что же вы умеете, Марьян? Ах, да, вы, кажется, изгоняете злых духов, отовсюду, откуда пожелает клиентура. Успехов вам в столь благородное занятии!

– Вам не верится, что и другие чего-то стоят? – перебил его Марьян. Он не казался обиженным, наоборот, уважительное выражение на его худом лице сменилось презрительной гримасой.

– Я не имею обыкновения отчитываться в том, во что я верю, а во что нет! – ответил Родион, отвернулся от козлобородого и пошел прочь.

– Позвольте рассказать вам одну историю, – Марьян поспешил следом, дыша в затылок. – Жили-были в довольно большом, хотя и провинциальном городе два мальчика, братья-близнецы. Жилось им так себе, не слишком-то весело. Однажды случилась с одним из мальчиков неприятная история, изменившая и его самого, и его жизнь. Как-то раз этот мальчик совершил крайне неосмотрительный поступок и подсел в автомобиль к незнакомцу...

Родион понял, что сейчас вот-вот запнется о воздух и сдержал шаги. Марьян тут же поравнялся с ним и пытливо взглянул из-под полей своей чудовищной шляпы.

– Вы не хотите знать, что было дальше? – поинтересовался он.

– Что было дальше, я знаю, – Родион почувствовал, как сердце начинает биться вразгон. – Кто рассказал вам все это?

Марьян тоненько рассмеялся, не раскрывая уродливого рта:

– Считайте, что я просто извлек эту информацию оттуда, куда почти никому нет доступа.

– Ах, вы еще и телепат? – пошутил Родион, хотя ему стало не до смеха.

– Нет, не совсем. Телепатия – феномен сложный и исключительно редкий. Из мертвых глубин человеческой памяти ничего не добудешь, пока не приведешь

мозг в надлежащее возбуждение... У меня иные методы. Я просто пошел путем, проложенным сквозь многомерные пространства, удаляясь по вектору временного измерения как раз туда, откуда можно услышать, увидеть и ощутить что угодно... Сие уже зовется ясновидением.

– Любопытно, – Родион повернулся и взглянул в небольшие, масляные глазки козлобородого. – Просто навешать мне лапши на уши у вас не выйдет: я совершенно не клюю на пустой треп. А кроме того я закоренелый скептик. Все мое прошлое при мне и черта с два вы хоть слово прочтете.

– А пол-то какой был холодный, помните?.. – монотонно и невозмутимо проговорил Марьян.

Екнуло сердце, и Родион почувствовал желание немедленно присесть или хотя бы прислониться к чему-нибудь твердому. Он переступил с ноги на ногу, сжал кулаки покрепче, чуть съежился, чувствуя, как капли пота побежали по пояснице, потом все же расправил плечи, тяжело перевел дыхание.

Марьян спокойно посмотрел на эти тщетные ухищрения, пожал плечами и спокойно продолжил:

– Холодный пол-то был... Еще бы, первый этаж... Да и пылищи вокруг... Сколько же этот тип пол не мыл? А сам-то на неряху похож не был... Пальто какое-то моднявое, какие тогда только артисты всякие носили...

Родион лихорадочно оглядывал ближайшие скамейки. Места были, но вокруг сидели люди или возились дети, и приткнуться было некуда.

Родион отступил в сторону, прижался к парапету набережной, отвернулся от Марьяна, облокотился на гранитную поверхность...

Пол тогда, действительно, был холодный. И пылищи вокруг хватало. Годы спустя Родиону случалось вспоминать тот день, когда он превратился в то, чем был сейчас, и прежде всего приходил специфический запах пыли. Не воспоминание о том, как пахло в квартире маньяка, а именно сам запах, явственный, сильный, живой... Та пыль будто бы навечно застряла в носоглотке.

Как, откуда козлобородый Марьян узнал обо всем этом?

Родиону вдруг показалось, что Марьян почти дословно воспроизводит его тогдашние мысли, словно читает подобранный в мусоре листок бульварной газетки. Но это была не паршивая газетка, это была горькая тайна Родиона, это было как раз то, чем он не собирался ни с кем делиться.

Те несколько человек, кому было кое-что известно, не знали и сотой доли подробностей. Родион законспирировался накрепко: кроме преданного Егорки, никто не знал о том случае практически ничего такого, что могло пригодиться разномастным супостатам.

Откуда Кошарский с Марьяном смогли узнать такие подробные детали?

Родион испугался. Он не ждал такой крутой выходки от обычной бледной шестерки, подающей гостям стулья. Это было почище того, что Родион вчера сотворил с вахтером Гильдии. Похоже, несколько преждевременно было захлеб доказывать Егору, что вокруг Кошарского собрались такие же бездари, как и сам почтенный председатель.

– Может быть вам все-таки рассказать, что было дальше? – проговорил вдруг Марьян.

– Послушайте, вы можете помолчать? Минут пять-десять... – попросил Родион, опуская голову на руки.

– Разумеется, – отозвался Марьян.

Родион поспешно цеплялся за разбредающие мысли. Нужно было взять себя в руки. Хотя это и поздноватое: Марьян уже наверняка понял, что задел Родиона за живое. То ли сработал фактор внезапности, то ли сказалось отсутствие рядом верного Стража, но Родион почувствовал, что не в силах немедленно овладеть собой. И он с головой ухнул в черную дыру. Чтобы выплыть, Марьян милостиво предоставил ему минут пять-десять...

...Родька закрыл глаза, поерзал на полу, пытаясь прогнать озноб, но понял, что трясет его не столько от сквозняка, сколько от страха. Как только он умудрился

влипнуть в такую скверную историю? Конечно, он не собирался сделать ничего ужасного, и он отказывался садиться в эту проклятую машину.

Поначалу отказывался... Но незнакомый мужчина выглядел таким безобидным и так упрашивал всего лишь показать ему дорогу к стадиону. Родька и сам себе удивлялся, почему он оказался таким дураком? Но что теперь толку проклинать себя? Вместо того, чтобы сидеть сейчас с Егором и Пашкой в кино, приходится глотать пыль в грязном углу и ждать своей участи.

Словно огнем горели запястья и губы. Мальчик провел языком по вспухшим губам и всхлипнул. Рыжеволосый лохматый мужчина, приведший Родьку в эту полупустую неприбранную квартиру, еще в машине скрутил ему руки какой-то широкой липкой лентой и поспешно, наискосок заклеил рот. Он что-то бормотал при этом, убеждал не бояться, но его горячие сбивчивые уговоры мало подействовали на мальчика. Среди бела дня незнакомец тащил Родьку из автомобиля в квартиру, и, как назло, ни одной живой души не оказалось поблизости на тихой зеленой улочке...

Когда уже в квартире мужчина отдирал прилипшую ленту, Родька даже слезу пустил, так это оказалось больно. А похититель только снисходительно посмеялся и пригрозил, что если Родька пошевелится или издаст хоть звук, придется запеленать его лентой с головы до ног и отдирать понемногу... Да уж какие там звуки! Мальчик и не думал даже о том, чтобы криком позвать на помощь.

Притащив Родьку в комнату, незнакомец толкнул его в пустой угол, а сам немного посидел на широкой низкой тахте и принялся шататься по квартире туда-сюда, словно искал чего-то. Но он не искал. То и дело похититель смотрел на Родьку странным оценивающим взглядом, и взгляд его то и дело мутнел, и губы его начинали влажнеть...

Родька смутно догадывался, что ему уготовано нечто ужасно гадкое.

Теперь, когда удалось как следует рассмотреть незнакомца, Родька только удивлялся, как он мог подойти близко к такому страшному мужику. Сейчас он казался мальчику противным болезненным стариком. А что еще можно было сказать о человеке с такой грязно-белой кожей, похожей на ветошь, с глазами, ввалившимися в глубокие черные ямы. Страшная рожа. И руки у него дрожат,

так и прыгают. Точно, маньяк какой-то.

Много раз незнакомец присаживался на тахту, словно отдыхая. И сейчас он сидел на краю и испытующе смотрел на мальчика. И глаза его странно потемнели и запали еще больше. Он дышал тяжело, медленно и осторожно, словно от каждого вздоха ждал боли.

Смотреть на этого лохматого типа было противно и страшно. Родька прижался спиной к стене и действительно не решался ни пошевелиться, ни открыть рот. А ну как прибьет или придушит? Так оно, скорее всего, и будет... Зачем же незнакомец еще притащил чужого мальчишку к себе домой, как не для дурного дела?.. Наверняка, он псих. Может быть, его даже ищут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shitova_nataliya/unikum

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)